ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

УБИТЬ ВОРОНА

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ!

Фридрих Евсеевич Незнанский

Убить ворона

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146063
Убить ворона. Ищите женщину!: Олимп, АСТ; Москва; 2007
ISBN 5-17-032748-X, 5-7390-1751-3

Аннотация

Город в Сибири. Стадион, полный зрителей. Их взгляды устремлены ввысь, откуда прямо на них падает огромный грузовой самолет… Сотни жертв, экипаж сгорает заживо. Есть только один человек, способный отыскать причину масштабной катастрофы, – Александр Турецкий. Старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры распутывает очередной захватывающий клубок преступлений в романе Ф.Незнанского «Убить ворона».

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	12
Глава третья	25
Глава четвертая	35
Глава пятая	40
Глава шестая	49
Глава восьмая	67
Глава девятая	83
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	100
Глава двенадцатая	105
Глава тринадцатая	111
Глава пятнадцатая	122
Глава шестнадцатая	136
Глава семнадцатая	141
Глава восемнадцатая	146
Глава девятнадцатая	152
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Глава первая
Крики и шепоты

Выстуженный ветрами и морозом, засыпанный снегом, ночной город еще не уснул.

Изредка ковыляла по ледяным надолбам разбитая машина, кто-то, закутанный по самые брови, молча перебегал улицу, оскальзываясь и спотыкаясь. В домах горел желтушный застуженный свет, редкие фонари освещали только пятачок под собой, все остальное пожирала непроглядная темень. Стужей веяло от серых стен однообразных бетонных домов, от обступившей город черной тайги на склонах каменных гор. С угольного неба только ярко-неоново светили стальные звезды.

Только в несуразно огромной для небольшого города каменной чаше стадиона горели белые огни и жидкий хор болельщиков что-то нестройное выкрикивал простуженными голосами.

Да еще на аэродроме ревела махина «Антея».

Было десять часов вечера. Потом это время установят точно – двадцать два одиннадцать.

Одинокий прохожий мог слышать только эти два несоединимых звука – безрадостный крик со стадиона и набирающий высоту и мощь стон самолета.

Они как-то жутко перемешивались, отдаваясь эхом от стен, от гор и леса, теряли чистоту и ясность, оставляя только низкое дрожание инфразвука. Это неясное колебание застывшего воздуха словно давило мрачным предчувствием на уши, на тело, доставая до самого сердца.

Потом на секунду все смолкло. Ударила недвижная морозная тишина. И тут же вслед – снова заревели моторы тяжелого самолета, разгоняясь и взлетая к черному небу.

Мистическими красными глазами дьявола заморгали проблесковые огни, тускло блеснуло широкое брюхо махины, и она угрожающе низко прошла над землей.

Прохожий остановился, задрал голову, провожая взглядом металлического кита. Отчаянная надежда и страх исказили его лицо. Он что-то бормотал посиневшими губами, словно считал вслух. Но из-за рева самолета расслышать было невозможно. Да и некому – человек был один.

Самолет прополз расстояние от аэродрома до города, нацеливая свой тупой нос в небо. Уже смолкал, уже затихал грохот его моторов, в домах, наверное, и слышно ничего не было.

Прошло полминуты от взлета. Ровное гудение удалялось, снова слышен стал стадион.

Отчаяние на лице прохожего сменилось растерянностью, надежда – уверенностью. Самолет уже был далеко от аэродрома, уже был так высоко, что казался не монстром, а вполне безобидным и даже изящным. Красные проблесковые ма-

ячки теперь весело мигали, пробегая по крыльям красноватыми сполохами.

Замерзшие дома города, тусклые огни фонарей, черные горы и гордо летящий над землей, над миром самолет.

Прохожий оглянулся по сторонам – подпрыгивающая на ухабах машина мазнула по его лицу светом фар, – повернулся и пошел в обратную сторону.

Снова ясно слышен был шум стадиона и скрип снега под ногами. Человек поглубже засунул руки в карманы, сгорбился, мрачно глядя на утоптанный снег дорожки.

Кажется, кричали «шайбу» или «давай». Неохотно и редко.

Звук самолета уже сел на одну ровную ноту, почти незамечаемую, почти неслышную.

Для полноты картины не хватало только бездомно воющей на белую луну собаки. Но бродячие собаки в Сибири зимой по улицам бродят редко. Они отсиживаются по теплым подвалам, чтобы не замерзнуть к чертовой матери. Если и попадется собачья свора, то пронесется мимо на всех парах, выдыхая морозный воздух из оскаленных морд. Где-то, значит, есть чем поживиться. На пути такой своры лучше не оказываться – могут и напасть. Впрочем, редко. Так ли, иначе – собаки с голоду не дичают, как-то находят себе пропитание. Но выживают все-таки только большие и мохнатые – шавок надолго не хватает. То ли съедают их сильные сородичи, то ли сами подыхают на сибирском морозе.

А вот вороны, те каркают с утра до вечера. От зимы до зимы.

Они, конечно, первые поспевают на всякую падаль, куда там собакам даже на всех парах.

Черная стая как раз с гамом поднялась над стадионом, словно только и ждала, когда о ней подумают. И сразу растаяла в небе. Черное на черном не видно.

Тоже, видно, нашли, чем поживиться.

Но голоса взлетающей стаи никто и не заметил – привыкли.

Было десять часов двенадцать минут.

На стадионе что-то уж особенно сильно заволновались. То ли гол там забили, то ли стали драться. Но крик теперь был настоящий, азартный, со свистом и улюлюканьем. Казалось, даже бетонная чаша ярче вспыхнула.

Кое-кто из тех, кто жил поблизости, но поленился пойти болеть на таком морозе, взглянули, наверное, в окно, чтобы посмотреть, что там такое случилось.

Крик так же неожиданно стих. А вот свист не прекращался. Длинный, протяжный, низкий, нечеловеческий свист. Он шел откуда-то с холодных звезд, с ночного неба. И быстро нарастал.

А через секунду снова замигали красные дьявольские глаза, мелькнуло, входя в чашу света, металлическое брюхо.

Ужас был в том, что самолет не гудел. Только крылья высекали из стылого воздуха протяжный свист, гул, вой.

Ужас был в том, что нос самолета теперь смотрел не в небо, а на землю, что металлический крест крыльев неестественно накренился – правое было внизу, а левое задралось к бляхе луны.

Ужас был в том, что самолет падал.

Больше никто ни о чем подумать не успел. Никто даже не обратил внимания, что снова вскрикнул стадион, но только на долю секунды, потому что в следующую долю все проглотил громовой удар – самолет срезал мачту с рядом прожекторов и вместе с ней, в ореоле искр и черных хлопьев, вбился в лед хоккейной площадки посередине.

Еще полсекунды болельщики видели, как нос самолета исчезал под распоротым льдом, под землей, как рушились-отрывались хвост и крылья, стремясь к месту столкновения, как перерезало надвое туловище судьи матча, как стал спадать огромный фонтан из снега, комьев земли, человеческих разрубленных тел, кусков дюраля, желто-прозрачной жидкости. Кто-то успел даже встать.

Но этого было уже недостаточно.

В следующее мгновение этот фонтан сменил сияющий гигантский пузырь багрово-желтого огня, который вырос откуда-то из самого центра, тут же разорвался на сотни желто-черных валов и захлестнул всю чашу стадиона.

К небу взметнулась огненная сфера зловещей красоты, словно у стадиона появился купол. Но купол этот тоже раскрылся мгновенно языками невероятной длины, как будто

пытавшимися слизнуть огнем и луну и звезды.

Не успели языки истаять черным дымом, как из чаши стадиона снова вырос гриб-людомор. Но на этот раз отклонился от пути наверх, завернулся смерчем, вылизывая чашу изнутри дочиста.

Было двадцать два часа тринадцать минут.

В этот момент немой город обрел голос. Это был истошный, душераздирающий, рвущий перепонки стон.

Пожар, вернее, шторм, шквал, ад огня видели почти все. Городок-то был небольшой. К стадиону бежали, забыв о морозе, о ночном времени, о скользких тротуарах. Многие не успели одеться. Женщины голосили, мужчины, неизвестно зачем, хватали по дороге снег с земли и мяли из него, сухого, как песок, рассыпающиеся комья снежков.

К стадиону подойти было невозможно. Вокруг была весна. Лед стаял мгновенно, под ногами чавкало уже за сто метров до бетонных стен. А ближе – начинали гореть волосы и на лице появлялись ожоговые волдыри.

Вот здесь стало понятно, зачем снежки. От бессилия, от отчаяния, от ужаса мужчины стали швырять снежки в стадион, но те даже не долетали до стен, таяли на лету и исходили к небу паровыми облачками.

Метались простоволосые женщины, кто-то сидел на таявшем снегу и рыдал в голос, дети стояли поодаль, притихшие, с широко распахнутыми глазами.

Что-то пытались предпринять, но ни у кого не было ни-

каких разумных мыслей. Через какое-то время догадались таскать воду ведрами из ближайшей девятиэтажки, но ведер было мало, больше суетились, чем тушили. Да и тушить-то было нечего. Даже приблизиться к стенам не могли, только сквозь проемы ворот видели, как полыхает внутри – была самая настоящая доменная печь, просто ад.

А дальше увидели то, что заставило всех метнуться назад от пылающего стадиона.

Стены его вдруг начали краснеть, как краснеет раскаленный металл, если его сунуть в самое жерло огня.

– Сейчас рухнет! – заорал кто-то диким голосом, и толпа откатилась. Кого-то придавили в свалке, но не до смерти.

Пожарные машины – целых четыре – прибыли только в двадцать минут одиннадцатого. Развернули рукава и ударили по стенам, по вырывающемуся сквозь трещины огню струями из брандспойтов. И пар, просто вал пара шарахнулся от стен стадиона. Машины не справлялись. Ближе подойти к чаше не было никакой возможности.

Еще через полчаса стали съезжаться машины из соседних городов и поселков, потом из области, потом из соседней, несколько раз вылили по тонне воды на пылающую чашу самолеты и вертолеты. Огонь, казалось, разгорался еще сильнее.

К шести утра стало ясно, что тушение займет много времени. Уже никто не надеялся найти хоть кого-то живого на стадионе, но все равно стояли, ждали чего-то. «Скорая по-

мощь» уже увозила тех, кто обгорел или замерз вот здесь, перед стадионом.

Когда рассвело, полыхало еще вовсю. Пожарные машины стояли впритык друг к другу, струи воды, перелетая через бетонную стену стадиона, пропадали в языках пламени. Пар стоял широким столбом до самого неба.

Скоро прибыл самолет МЧС. Командование на себя взял молодой парень в оранжевой куртке, который координировал действия пожарных. Теперь дело пошло лучше.

Организовали пункты помощи тем, кто так и не уходил с места пожара. Здесь поили горячим чаем с коньяком, давали горячий суп, одеяла.

Одна женщина умерла от сердечного приступа. Кто-то сказал, что у нее на пожаре погибли муж и два сына.

В этот день город не работал и не учился. Все, кто мог, собрались вокруг стадиона. Почти не говорили, только иногда вполголоса сообщали новости: наконец отвоевана у огня северная трибуна… восточная…

Пожар погасили только в десять часов вечера. С его начала прошли почти сутки.

Живых обнаружить не удалось.

Глава вторая
Ноосфера

Милицейский «козлик» вздрагивал на ухабах. Грязнов напрасно пытался комфортно расположить свое слегка расползшееся за последние годы тело на предмет вздремнуть. Казалось, временами, на ровных участках пути легкий сон уже начинал кружить голову, но тут же неуклюжая рытвина подбрасывала машину, заставляя Грязнова недовольно ворочаться. Наконец отчаявшись скоротать дорогу сном, Грязнов, не выпуская сигареты изо рта, посмотрел на Матвеева, крутившего баранку.

– Слушай, Матвеев, что ты за дрянь такую куришь? Вот вонь-то.

– А что, Вячеслав Иванович, «Космосочек». Хорошие сигареты в свое время были.

– Помню, помню. Семьдесят копеек, светлой памяти. Просто уж дух мерзкий больно.

– Так вы окошко-то откройте.

– Ага, уморить меня хочешь. Кашляю я, Матвеев, вот что.

Грязнов похлопал себя по карманам в поисках сигарет, не без желания угостить и Матвеева, но пачки не нашел.

– Тьфу ты, черт… Матвеев, – ворчливо обратился Грязнов, – что ж ты не посмотрел, что я без сигарет? А? Раззява.

Матвеев хохотнул, привычный к этой манере шутливого ворчания, и находчиво предложил:

– А вы вот, «Космосочек», Вячеслав Иванович.

– Давай, давай, трави меня… – Грязнов полез толстыми пальцами в сплющенную мятую пачку, пустую на две трети, пошуршал там и вытянул сигарету. – Вот дрянь-то, тьфу, – произнес он, закуривая.

Грязнов вдумчиво затянулся, глядя перед собой на заснеженную дорогу. «Козлик» вновь встряхнуло, и Грязнов, поморщившись, нашел новую тему разговора:

– Ну, куда гонишь так? Что, не поспеть боишься? Успеем. Дал бы вздремнуть начальству.

– Экий вы, Вячеслав Иванович, спокойный, – удивился Матвеев, – все-таки на такое дело едем… Авам «вздремнуть».

– Тоже мне «дело», – самодовольно усмехнулся Грязнов. – Знавал я такие дела, по сравнению с которыми это – просто… не знаю что.

Он замолчал, исчерпав запас красноречия. Ему было приятно, что Матвеев смотрит на него с такой почтительностью и говорит слово «дело» с внутренней дрожью. Грязнову нравилось бравировать своей отвагой, давно уже ставшей легендой и темой анекдотов на Петровке.

– Что ни говорите, Вячеслав Иванович, а дельце-то нешуточное, – не унимался Матвеев. – Я уж не знаю, кто, кроме вас, решился бы на Чирка с голыми руками.

– Ну уж с голыми… Ордер на арест есть, в кобуре тоже кое-что есть… Хм… даже симпатия есть…

– Какая симпатия? – не понял Матвеев.

Грязнов подумал, как бы так пошутить, чтобы было понятно, но не нашелся и повторил только:

– Симпатия.

– К Чиркову, что ли?

– Ну да, к Чиркову. Уважаемое лицо. Красиво работает. Пух-пух! Пять трупов и никаких следов. Кто видел? Тузиков? Нет Тузикова. Кто знал? Батарейкин? Нет Батарейкина. А господин Чирков в это время вообще неизвестно где..

– Да откуда ж тогда известно, что Чирков убил?

– Как – откуда? – Грязнов недоуменно посмотрел на молодой профиль Матвеева. – По почерку. Все убийства на один манер. Улик нет. Свидетелей нет. Манера есть. И мотивы. Слухи вот еще.

– Какие слухи?

– Ну, всякие… Откуда ты думаешь, Матвеев, мы вообще про этого Чиркова узнали? Да вот слухи…

– А-а-а… «Источник сообщил», – догадался Матвеев.

– И «источник» тоже. Представляешь, такая странность – никто этого Чирка в глаза не видел, а вот слухи про него давно ходили.

– Да знаю. В управлении даже шуткуют хлопцы. Если смыться надо, чтоб начальство не прознало, говорят – к Чирку пошел.

– Юмористы… А я так думаю, Матвеев, что существует ноосфера. Вернадского читал?

– Это который метро?

– Это который ученый. Ну, ладно, это штучка для интеллектуалов. Но вкратце там все к одному сводится – если появилась какая-то информация – она начинает вертеться в ноосфере и в конце концов все про нее узнают.

– А-а-а…

– Вот тебе и «а». Вот тут надо все равно иметь, чтобы об этом догадаться. – Грязнов постукал пальцем в лоб и с восторженным вздохом залюбовался дорогой.

– А что же теперь? – любопытствовал Матвеев. – Теперь-то как удалось на него выйти? Он же чисто работает? Вы говорите, улик нет, свидетелей нет…

Он почтительно замолчал, оценивая многозначительный палец у лба Грязнова и теорию Вернадского.

– А это все потому, что и на старуху бывает проруха, – с назиданием произнес Грязнов народную мудрость.

– Какая ж проруха?

– Такая. Приходит Чирков с красивым планом в голове к одному своему знакомому. Ну туда-сюда, разговоры за разговорами, что-то не поделили, поругались, расстроились, у Чиркова пушечка с собой – маленькая, неброская. Пух!..

Матвеев поежился от легкого оптимистического «пух!».

– Ну, мозги в стороны, улик никаких, свидетелей никаких. А тут деткам пошалить вздумалось – мусоропровод по-

дожгли. Приехала команда. И все пожарные увидели. Тосе, словесный портрет. Мальчишки-пожарные его опознали: «Он, – говорят, – он». Он так он, нам только этого и надо было. Прошлись по картотеке, правда, ничего, но тут один источник сообщил…

Матвеев хмыкнул.

Грязнов замялся.

– Вообще-то дальше тайна следствия. Я распространяться не буду. Детишек бы выдрать за мусоропровод – бензин, что ли, вылили туда, не знаю – знатно полыхнуло. Но нам, видишь, на руку. Вот теперь господина Чиркова за белы ручки в Бутырку.

Матвеев озабоченно нахмурился:

– А что, Вячеслав Иванович, ну, как он отстреливаться будет? Как-то вы в одиночку… это…

– Матвеев, ты что?

– Да ничего… я так просто, подумал. Человек-то уж больно резкий – ничего святого. Уж, поди, душ десять загубил.

– Может, и больше…

– Ну вот, больше даже… А ну как он вас…

– Пух?

Матвеев насупленно замолчал.

– Нет, Матвеев, он не из таких. Я же говорю, человек тонкий, деликатный, опять же со связями. Не в его интересах себе жизнь гробить. Он еще думает, что вывернется. Да только попалась птичка. Не вывернется.

Грязнов замолчал, а потом прибавил угрюмо:

– А может, и вывернется. Такая сволочь скользкая.

Они минут пять проехали в молчании, неуклонно приближаясь к цели – даче Чиркова. Все реже попадались деревенские полуразвалившиеся избы, все длиннее были лесные посадки вдоль дороги, а иногда и природный, не посаженный лес густо затенял дорогу. На въезде в дачный поселок Рассудово «козлик» остановился. Тотчас из-за угла к нему торопливо подошел молодой человек в штатском и, припав к приотворенной дверце, быстро заговорил. Из его доклада явствовало, что наличествует группа захвата в составе двенадцати человек, что дача Чиркова оцеплена, блокированы входы и выходы, включая подозрительный проем в заборе. Грязнов слушал рассеянно, кивая в такт словам.

– А что, Вилеткин, закурить есть? Только что-нибудь не наше. А то тут меня «Космосом» травят.

И, взяв сигарету, он задумчиво затянулся. Матвеев смотрел на Грязнова в растерянности. Только-только его фантазия нарисовала картину, как Грязнов, защищенный собственной славой, запросто входит в дом Чиркова и он, этот неуловимый убийца, раздавленный величием смелого оперативника, падет пред ним ниц; и вдруг – группа захвата в двенадцать человек, блокированные дыры в заборе…

– Что, Матвеев, думаешь, хитрый я лис? – отвечая на его мысли, произнес Грязнов. – То-то, брат, иначе нельзя. На Аллаха надейся, а верблюда привязывай, как один чукча го-

ворил. Понял? Ладно, идем брать. Ты ждешь нас на развилке, на пересечении Юбилейной и Главной улиц, вот здесь, – он указал на точку в карте, – не скучай, мы скоро.

И, выйдя из «козлика», Грязнов, сопутствуемый Вилеткиным, двинулся через снег к пролеску.

– Что Чирков, не нервничает? – осведомился он через плечо.

– Не похоже, – отозвался Вилеткин, – с утра был дома, за пределы участка не выходил. Обливался водой, дрова колол, четыре раза выходил курить.

– Дрова колол? Обливался? По такому морозу-то? Серьезный мужик. Не дачник, уважаю. А то мне эти дачники… У меня, знаешь, на даче – генерал на генерале, и все как выйдут на грядки по весне, все в растянутых кофтах бабьих, черт-те в чем, в дранье каком-то – глаза б не глядели. А этот, видно, солидный человек. Водой обливается. Ты водой обливаешься на морозе, а, Вилеткин?

– Так точно, – отрапортовал Вилеткин, – утром и вечером.

– Вот, тоже солидный. А я, знаешь, люблю тепленькой водичкой. У тебя воду не отключили?

– Никак нет.

– А вот у нас отключили. Профилактику какую-то придумали. Трубы, говорят, проверяют. Что это за профилактика, когда из горячего крана вода холодная течет? Как они там смотрят? Знаешь? И это посреди зимы!

– Никак нет.

– Вот и я не знаю. Это что, заяц, что ли?..

Поляну стремительно пересек беляк.

– Точно, заяц, – удовлетворенно ответил сам себе Грязнов.

Они подошли к задам дачи Чиркова. Это было двухэтажное строение с флигелем, которое едва проглядывало в соснах. Участок, отведенный под дачу, был весьма просторен и захватывал часть леса. У дощатого забора стояли зазябшие милиционеры – двое, оба Грязнову незнакомые.

– Разрешите доложить, объект в зоне видимости не появлялся! – доложил один.

– Не появлялся, – повторил Грязнов, – сейчас появится. Вернее, я появлюсь в его «зоне видимости». Здесь и войдем.

Грязнов легко нажал на доску, и она подалась, приоткрывая лаз.

– Лезь ты первый, – командировал Грязнов одного из милиционеров. Затем и сам просунул голову в щель.

– Голова прошла, стало быть, и пузо пролезет, – пояснил он серьезным молодым людям.

По скрипучему снегу они вышли на асфальтированную дорожку вокруг дачи. Грязнов, оставив позади сопровождающих, вышел к парадному крыльцу и постучал в дверь. Дом не отозвался ни звуком. Грязнов увидел кнопку звонка. «Господи, а это еще зачем?» – подумал он, надавливая. Послышалась электронная мелодия, и вновь все стихло. «Да ну, к черту», – пробормотал Грязнов и стукнул в дверь ботин-

ком. На втором этаже приоткрылась занавеска, и на мгновение стало видно лицо, тотчас же, впрочем, скрывшееся. Послышался неторопливый, размеренный шаг хозяйских ног по деревянным ступеням винтовой лестницы. Рука Грязнова привычно потянулась к кобуре. Он ожидал вопроса из-за двери, замешательства, но дверь спокойно отворилась. На пороге стоял мужчина средних лет, пожалуй, приятной даже наружности – рослый, плечистый, голубоглазый. Ничто не выдавало в его облике известного в кулуарах Петровки преступника Чиркова-Чирка. На фоторобот действительно был похож. Но скорее, как детский рисунок с подписью «Папа» на самого отца.

– Игорь Дмитриевич Чирков? – спросил Грязнов, добавив в голосе профессионального металла.

Чирков пристально и не без интереса посмотрел в глаза Грязнову. Взгляд его, казалось, ничего не выражал, и в то же время Грязнову уязвленно подумалось, что Чирков презирает его. Что же, Грязнову было знакомо и это презрение. Перед ним стоял сильный, яростный хищник, еще не ощутивший, что на него начата смертельная охота. Но Грязнов знал, что еще пара фраз, еще несколько привычных, юридически необходимых формул, и эти голубые безразличные глаза полыхнут огнем ненависти. У него не было выбора, и он не хотел выбора. Он шаг за шагом двигался по торной тропе.

– Я начальник МУРа Грязнов, – сообщил Грязнов, извлекая бывалую книжечку, – вы арестованы.

Чирков равнодушно, как показалось вновь Грязнову, посмотрел на книжку, на черно-белое лицо Грязнова на фотографии, может быть, слишком долго. Грязнов ждал вопроса, в чем причина обвинения.

– На каком основании меня арестовывают? – спросил Чирков никак не окрашенным, но глубоким и сильным голосом.

Грязнов почувствовал себя совсем в своей тарелке. Нужный вопрос был задан, все шло согласно сценарию.

– Вы обвиняетесь в умышленном убийстве гражданина Крайнего Григория Анатольевича. Следуйте за мной. Сопротивление бесполезно, дом оцеплен. Вот постановление о заключении вас под стражу.

Грязнов произносил клишированные, уже столько раз звучавшие фразы не думая. Его рука теперь не лежала на кобуре, но готова была привычно метнуться и в считанные мгновения выхватить пистолет.

Чирков, даже не взглянув на бумагу, сделал шаг на крыльцо, огляделся, словно ожидая увидеть конвоиров. Губы его покривились в иронической усмешке.

– Ну что ж, заходите, – запросто предложил он и улыбнулся даже с какой-то попыткой обаяния.

Это было то, что называлось «нестандартным поведением», и к этому Грязнов, стреляный воробей, уже тоже успел приноровиться.

– Заходить я к вам не буду, гражданин Чирков…

Грязнову, правда, хотелось как-то просто и без затей покончить это дело. Действительно, с какой стати Чиркову, матерому убийце, с огромными связями – как предполагал небезосновательно Грязнов, – уходящими в структуры государственного управления, вдруг пугливо скрываться, устраивать нервические припадки, оказывать сопротивление, когда со своим умом, изворотливостью и хитростью он несомненно добился бы и добьется, скорее всего, большего. Однако интуиция, в которой начисто отказывал себе Грязнов и которая считалась безошибочной в кругу его друзей, заставила его произнести роковое:

– Руки вверх!

Руки Чиркова как-то неопределенно, почти покорно потянулись кверху, но на пути застыли.

– Что же «вверх», я без оружия, сами видите, на даче… Это и смешно даже. – В его голосе слышались почти ласковые нотки.

– Вверх! – металлически рявкнул Грязнов, стремительно юркнув рукой в кобуру.

В тот же момент, быть может мигом раньше, рука Чиркова гибко и стремительно рванулась вперед, в направлении кадыка Грязнова. Раньше, чем успел подумать, Грязнов успел стремительно присесть, уворачиваясь от удара, с легкостью, казалось бы, неожиданной для такого грузного и флегматичного человека. Он успел заметить бледные лица юных милиционеров. В следующее же мгновение огромный, тяжелый

кулак Грязнова угодил в солнечное сплетение преступника, и вот уже Грязнов, навалившись тяжелым телом на распластанного по крыльцу Чиркова, уверенно заламывал ему руку в локтевом суставе. Наручники скоро сцепили запястья бандита.

– Гражданин Чирков, – с укоризной произнес Грязнов, – ну что такое… Вы работаете, мы работаем, такдавайте не будем мешать друг другу… Непонятливый народ, – обратился он к одному из милиционеров, отряхивая перчаткой одежду.

На перекрестке Юбилейной и Главной улиц преступник Чирков был помещен в милицейский «козлик» и по тем же ухабам и рытвинам, как прежде Грязнов, двинулся в направлении Москвы.

– Здорово, – сказал водитель, который, впрочем, даже не видел задержания.

– Мы еще с этим Чирком наплачемся, – почему-то стал пророчить Грязнов, чего с ним никогда раньше не бывало.

В поселке Грязнов приобрел пачку вполне приемлемых сигарет и, несколько передышав густым, хвойным воздухом Рассудова, даже вздремнул, уткнувшись в дверное стекло. Однако, как ни восхищался Матвеев хладнокровием и выдержкой Грязнова, тому было отчего-то неуютно на душе. Как-то уж слишком непроницаемо сверкали голубые глаза Чиркова, как-то уж слишком безмолвно принял он неожиданное известие об аресте, сулившее ему ах какие невзгоды в ближайшем будущем. И потом эта проклятая интуиция, в

которой Грязнов сам себе начисто отказывал и которую так ценили в нем товарищи по службе…

Глава третья
Самоубийство оленей

Зима выпала суровая. Москвичи, так привыкшие сетовать, что мир в невыгодную сторону поменялся, что лета теперь холодные, а зимы, напротив, теплые и сырые, приуныли. Хорошо фантазировать о прежних удалых русских зимах, о тройках, мчащихся по замерзшей Москве-реке, но в современных условиях двадцатиградусные морозы, ветер, который с воем прорывается в оконные щели, изморозь на стеклах – все это не радует изнеженное тело цивилизованного москвича.

Турецкий, старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, закаленный атлет и москвич, проснулся поутру вместе со всем рабочим людом столицы, отправился в душ, отвернул холодную воду и встал под струю. Хорошо быть закаленным атлетом, пока другие с душевной скорбью изучают состояние горячей воды (весьма нерегулярной в Москве последних зим), ты уже успеваешь принять душ и добрести до кофейника. На улице все еще мрачно висела ночная мгла, белесо и мутно светились фонари. В окнах дома напротив копошились тела горожан – раздраженных, сонных, озябших.

Сегодня Александру Турецкому не нужно было идти на

работу – он встал, повинуясь привычке, словно пружина выкинула его из теплой постели. А между тем у него был отпуск. Успешно завершив последнее дело, он обратился с просьбой о кратковременном отдыхе, с тем чтобы наконец-то отоспаться, привести в спокойное состояние взлохмаченные мысли и чувства. Друзья советовали Александру поехать куда-нибудь отдохнуть, но он упорно не желал больше никуда летать, ездить и прочая. В конце концов, со всеми этими бесконечными поездками, командировками, встречами государственной важности в потаенных уголках пяти континентов, он почти вовсе утратил собственный дом. Райским наслаждением казалось Турецкому пожить немножко у себя дома, готовить себе есть, укладывать себя спать. Вечно кого-то спасая, Александр считал, что в редкие дни отпуска он вволю может побыть эгоистом. Можно наконец с национальной ленцой поваляться на диване с детективным романом, написанным какой-нибудь старой девой, можно освежить контакты со старыми друзьями, родней – только чтобы не было никого из сослуживцев, чтобы разговоры были не про деньги, убийства и политические козни, а какие-нибудь простые, славные, гражданские. С такими надеждами Турецкий лег вчера в постель, и вот на тебе – поутру оказался выкинут из-под одеяла в холодный душ, оттуда к кофейнику, и если бы Александр и дальше пошел на поводу у инстинкта, то уже, наверное, был бы на улице по пути на работу.

Кофе ринулся было из джезвы, но был подхвачен с огня

ловкой рукой Турецкого. Александр не признавал растворимого кофе и всегда варил напиток по своему методу. Одним из пунктов этого метода, как правило, становилось то, что кофе превращался в украшение плиты. На этот раз кофе все-таки попал в чашку и был раздумчиво, с удовольствием выпит. Остатки сна улетучились, прибывал день. Александр уютно расположился на диване и включил телевизор.

– Сегодня в новостях дня… – сообщил на еще не прояснившемся экране проникновенный дикторский голос. – Свидетелями кровавой катастрофы стали сегодня жители Новогорска. Самолетный комплекс «Антей», имея специальное задание, потерпел аварию невдалеке от аэродрома, в черте города. Количество жертв катастрофы пока не подсчитано…

Турецкий переключил программу. Альтруистам тоже нужен отдых. В течение этой недели Турецкий планировал обезопасить себя от всякой неприятной информации. Все, что касалось убийств, ограблений, мошенничества, финансовых махинаций, политических интриг – вся эта бытовуха следователя по особо важным делам была теперь в стороне.

На экране показалась изящная оленья голова. Турецкий, умилившись сердцем, смотрел, как олени мчались по лугам, – статные самцы с кустом рогов на голове, пугливые самки, оленята в солнечных пятнышках. Голос за кадром дружелюбно комментировал обстоятельства нехитрой оленьей жизни. Турецкий стал свидетелем оленьих драк, кормежки, зимовки, купания. Потом показали врагов оленей – волка и

браконьера, и Александр было по-детски забеспокоился, не покажут ли, чего доброго, насильственную смерть этих красивых и благородных животных. Но передача человеколюбиво избавила зрителей от зрелища насилия в животном мире.

– Однако самым странным фактом в существовании оленьего стада является довольно частый случай массового самоубийства, – сообщал за кадром комментатор. – В чем причина столь необычного проявления коллективного сознания? Неизвестен факт единичного самоубийства в оленьем стаде – невозможно представить, чтобы отдельно взятая особь оленя решила свести счеты с жизнью. Но, устремившись за вожаком, они движутся к пропасти, вряд ли понимая, что мчатся навстречу своей гибели. И после того как упадет первый олень, остальные устремляются по его пути до последнего. Нам не удалось заснять этот трагический момент, но последствия подобного массового самоубийства были зафиксированы камерой экологической службы Баргузинского заповедника…

На экране мелькнули рассыпанные повсюду оленьи туши. Турецкий выключил телевизор. Трагедия – всюду трагедия. Падают самолеты с небес, падают олени в пропасть, опять кровь, опять смерть. И ведь слава богу, что это не дело чьего-то злого ума и следователю Турецкому не надо снова вести следствие. Александр представил фантастический проект – его направляют выяснить обстоятельства коллективной гибели оленьей популяции. Почему за первым устреми-

лись все? Куда ниточка – туда и иголочка… Коготок увяз – всей птичке пропасть… Мысли Турецкого, сознательно оглупляемые в целях отпускной чистки сознания, вышли на какую-то подростковую орбиту. Турецкий стал мечтать, как бы он был лесником в Баргузинском заповеднике, как бы он стал заботиться об оленях и вообще о зверях, вот было бы здорово…

Раздался телефонный звонок. Турецкий дождался, когда сработает автоответчик, с тем чтобы оберечь себя от нежелательных разговоров. После того как в записи прозвучала вежливая фраза на двух языках, послышался старческий женский голос:

– Саня, возьми трубку, я знаю, что ты дома. А если тебя дома нет, то перезвони сейчас же, ты мне нужен.

Турецкий вздохнул и взял трубку:

– Здравствуй, мама.

– Санечка, золотой мой, здравствуй. Ты мне нужен, у меня проблемы. Ты не можешь приехать?

– Конечно, мам, а что такое?

– Во-первых, я разбила очки, тебе надо сходить в оптику в четвертом корпусе – я по гололеду боюсь выходить. Во-вторых, ты обещал мне повесить полку.

– Но, мам, я же тебе оставлял деньги, чтобы тебе повесили эту полку.

– Я отдавать пятьдесят рублей всяким дармоедам не намерена. Ты ко мне сегодня приедешь и все хорошенько по-

весишь. А то они так повесят, что меня потом моей же полкой и пристукнет.

Елена Петровна Сатина отказывалась признавать в своем сыне государственно важное лицо и видела в нем по-прежнему ребенка. К старости она стала разговорчива, слезлива и обидчива, но Турецкий помнил ее еще живой нестарой женщиной, острословом и центром большой компании интересных взрослых. И просто он любил свою мать и поэтому теперь должен был собраться и поехать к ней.

Жену и дочку Александр отправил в Ригу, чтоб отдохнули от него. «Одиночество – лучший собеседник», – подумал тогда. Оказалось – чушь, поговорить хочется.

«Вот ведь, только пожелаешь себе какого-нибудь гражданского собеседника, как твое желание сбывается с самой высокой степенью буквальности. Ничего более гражданского, чем мама, не придумаешь, как не придумаешь ничего более разговорчивого. Погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей…»

– И еще, купи корм для попугая. Я его кормлю геркулесом, а он какой-то квелый после этого. Купи проса у станции, я тебе деньги отдам.

– Куплю, конечно, только денег мне твоих не надо.

– Как то есть не надо? Я у тебя на шее сидеть не собираюсь… – на всякий случай надулась мама. – Ты когда приедешь? Приезжай поскорее, а то я чувствую – давление скачет, боюсь, что после обеда я буду валяться пластом. Ох, хоть

бы ты мне смерть привез, зажилась я… Я тебя покормлю – у меня борщ хороший, со шкварками. И захвати что-нибудь почитать, только большими буквами. Ну все, целую тебя.

Турецкий взял денег, оделся, накинул на шею мохеровый шарф.

Мама некогда была красавицей, и ее ровесники до смешного отчетливо это помнят. Впрочем, тяжелая послевоенная жизнь и вечные заботы скоро сгубили ее прелестную наружность, о чем она и не помыслила кручиниться. Мама – один из самых больших жизнелюбов на жизненном пути Турецкого (ныне – с тремя инфарктами, почти слепая, с палочкой) – считалась лучшим кулинаром в семье, потому что волею обстоятельств была натурой не творческой, то есть покорной рецептам. Мамина кухня была защищена от новаций полным отсутствием в последнее время у нее физического вкуса. Не в состоянии распознать достоинства и недостатки своей стряпни, мама взяла за правило следовать точной рецептуре, не всё, конечно, получалось золотом (мама могла спутать сахар и соль, что выяснялось только за столом), но у ее подруг были основания для зависти. Обещанный мамой обед приятно волновал душу Турецкого. О гамбургерах из «Макдоналдса» и думать не хотелось.

Он проехал по Садовому кольцу, свернул с Новослободской улицы на неприметную Селезневскую – мама жила там. Елена Петровна встретила его веселыми приветствиями и поцелуями.

– Санечка, садись, рассказывай, – пригласила она его, сама устраиваясь в кресле.

– Что рассказывать?

– Давай, что нового на работе. Я так за тебя волнуюсь, ты же все этих жуликов ловишь…

Мама настойчиво не желала брать в толк, что Александр был следователем по особо важным делам. Подругам во дворе она говорила, что он просто сыщик. Возможно, ей было так удобнее, а всего вероятней, ей не хотелось лишних расспросов.

– Или нет, – оборвала она себя, – ты сейчас мне наговоришь всяких ужасов, я потом спать не буду, давление поднимется. Значит, так, первое – расскажи, что там с самолетом. Я сегодня все глаза проглядела, но без очков я ничего не вижу, – стрекотала мать. – Ты знаешь, я совсем слаба глазами стала. По телевизору могу только «Санта-Барбару» смотреть. Три года назад, когда она только начиналась, я всех, кто как выглядит, запомнила, поэтому сейчас не путаюсь. А в новых фильмах – черт их поймет, мне кажется, они все на одно лицо, артисты эти… Ну, так что самолет?

– Какой самолет? – переспросил недоуменно Турецкий.

– Как – какой?! Саша… Ты что, не смотришь телевизор?

– Ах, этот, в Сибири? Я сам только сегодня увидел. Да я не знаю ничего.

– Санечка, как же так? Упал самолет, здоровущий самолетище, прямо на стадион. Там, наверное, сотню человек при-

давил, не меньше.

– Ну уж сотню, – недоверчиво сказал Александр.

– Точно, сотню.

– Ну, мама, откуда зимой в Сибири на стадионе наберется сто человек? Зимой стадионы пустуют.

– Ну, не сто, может быть, чуть меньше. Сто – это я для красоты слога сказала. Но все равно, представляешь? Ужас, да?

– Ужас, – покорно согласился Турецкий.

– Ну так вот, а я без очков. По телевизору показывают ужасы, а я без очков.

– Где это тебя угораздило очки-то разбить?

– Ах, не спрашивай. Я такая дура… Сидела одна, что-то мне скучно было. Я думаю, не купить ли винца. Надела шубу свою каракулевую, сумку на шею повесила, фары нацепила, беру палку и иду себе. Вышла на улицу, прошла два квартала, стою, отдыхаю. Тут мимо парень какой-то – ну, парень как парень… твоих лет, наверное. И – раз! – мне что-то в сумку. Я смотрю – десятку сунул. Думал, я побираюсь. Я, конечно, кричу ему, дескать, молодой человек, возьмите назад. Он от меня. Я за ним. Тут он поскальзывается, гололед ведь – у нас песком не посыпают, экономят все, свиньи, – и падает. Я со всей дури бегу за ним, поскальзываюсь, ноги в стороны, палка отдельно, фары оземь – думаю, кранты тебе, тетка. Он меня, конечно, поднял, но десятку у меня не взял. Я подумала, и правильно. Все равно он виноват, что я теперь

без очков.

– Мам, тебе надо бережнее с собой быть, ты же у меня уже дама в возрасте. А ты бегаешь, как… олень… – Турецкий засмеялся.

– Как лань. Олень, только женщина, это лань, – пояснила мать авторитетно. – Так ты мне узнай через своих, что там с самолетом. Я же умру от любопытства. А газеты только завтра. К тому же в газетах никогда правды не напишут и буковки-то все какие-то мелкие. Ну как так можно писать? Совсем о пенсионерах не думают. Молодежь ведь газет не читает. Вот ты, ты читаешь?

– Приходится по службе. Да только я уж и не молодежь, мам.

– Ну, ты еще парень хоть куда. И потом – сыщик. Всегда обожала настоящих сыщиков. Почти так же, как моряков. Значит, про самолет ты ничего не знаешь. Ладно, садись, покушай.

Мать усадила Александра за стол и принялась хлопотать у плиты.

«Господи, как же славно, – думал Турецкий, глядя, как мать заботливо накрывает к обеду, – вот о чем я мечтал. Посидеть, попросту поболтать. И никакой тебе преступности, никакого криминала. Очки, самолет, буковки мелкие, олени – куда один, туда и все… Зачем я Ирину с дочкой отправил?» Александр в ожидании обеда прилег на кушетке и забылся неглубоким, сладким сном.

Глава четвертая
Навсегда

Виктор Чирков лежал на нарах, обозревая сводчатый потолок камеры. В душе свернулась в липкий ком тоска. Так неожиданно, так некстати судьба перерезала нить его счастья. В зарешеченном окне шел снег, лампа дневного света гудела под потолком. Чирков закрыл глаза, чтобы только не видеть всего этого. Реальность исчезла, но остался мерзкий гул лампы. Точно так же гудела лампа, когда его привезли в детский дом.

Свое самое раннее впечатление детства он помнит таким: его держат на руках – кто-то, – стоя на Черкизовском мосту, что возле станции Черкизовская, и его взору видны уходящие из-под моста к горизонту огромной длины рельсы, а по бокам – две асфальтовые дороги, по которым ездили грузовики и легковые автомобили. По железной дороге ходили тепловозы и выпускали белый дым, а две дороги по бокам почему-то были изогнутыми, по мере приближения уходящими вверх.

И вот спустя лет двадцать (он не помнит, сколько ему тогда было) он побывал на этом мосту, и неоднократно. Эти дороги по бокам оказались уходящими не вверх, а именно вбок, объезжая мост.

Ненароком задумаешься, что взрослому не помешало бы младенческое восприятие, когда, увидев предмет непонятного содержания, фантазия ребенка моментально интерпретирует его в нечто понятно объяснимое, да еще и радостное для души.

Подрастание его, трехлетнего мальчишки, проходило в обыкновенном дворе, каких много. И вырос бы он, как и многие другие, став каким-нибудь рабочим или инженером, как хотела мать, если бы не судьба, которая стучит в наши двери не спрашивая. Он не понял даже толком, что случилось, когда дом наполнился незнакомыми людьми, женщинами, которые плакали и гладили его по голове. Запомнились длинные ящики, в которых, если верить плачущим женщинам, были его отец и мать. Чирку хотелось посмотреть, правда ли это, но все зашептали – нельзя, нельзя… Потом в доме остался один взрослый человек, бабка. Она всегда плакала днем, а ночью храпела. А потом и ее увезли в ящике. Чирок на этот раз видел ее – она была желтая и на себя непохожая. А потом приехала милиция, и Витька уехал из дома НАВСЕГДА…

Первым делом они (это две тетки с жирком, одна в милицейской форме, другая в гражданке почему-то) спросили:

– Хочется отсюда уехать?

Чирок ответил, что нет. Тогда тетка в гражданке стала Чирка уверять, что, мол, че ты мнешься, один останешься, ты че? Тогда он действительно стал мяться и думать: дей-

ствительно, че я мнусь. Ну и согласился. Оделись и пошли в ближайшую парикмахерскую.

Чирок вспоминал, как он сидел в кресле, готовясь к стрижке. Ну, думает, сейчас как раз подстригут, давно чего-то он не стригся. Парикмахер готовит машинку, включает ее и стрижет начиная со лба, продвигаясь к затылку. Ого, а ведь «налысо» стригут – странно… могли бы и предупредить. Зато когда шли к ближайшей больнице, ветер дул по обнаженному черепу, и лысине было щекотно, и они смеялись.

В больнице поместили в боксы для людей с инфекционными заражениями. Естественно, он тогда не знал, что это за помещение. Изредка лишь заходили злющие медсестры, которые все время орали на них и ругались, обзывая почему-то падлами, засранцами и мелкими подонками.

За окном сменяли друг друга цвета сезонов. Тогда он еще не знал, чем отличается зима от лета, а осень от весны. Он просто видел, как за окном падает снег, как потом зеленели деревья, потом снова был снег. Прошло очень много дней. Их перевели в помещение, большее размерами.

Как-то раз в комнату вошла тетка в очках и стала тыкать в книгу, спрашивая:

– Эту букву знаете?

– Нет.

– А эту букву знаете?

– Нет.

– Не врать!

Через несколько дней к ним вошла та самая орущая тетка, которая называла их падлами, с какой-то другой теткой и дядькой. Сказала «одеваться». Они, радуясь хоть какому-то разнообразию жизни, рванули к вещам, но тотчас тетка, которая не забывала заметить в них мелких засранцев, заорала на Витька, что, мол, каков, ядрена мать, лезет одеваться, когда одеваться сказано не ему.

А потом и Чирка посадили в машину. Поскольку в машине «скорой помощи», как и в других автомобилях Красного Креста, все окна затонированы, он, естественно, не мог разглядеть, где и куда едет. Когда приехали, его сдали в какую-то группу с детишками. Все дети тут же округлили глаза, пооткрывали рты и позабывали про игрушки.

Он стоял перед ними один – маленький, растерявшийся, залитый дневным светом трещащих ламп.

Одна девочка-уродина стала заигрывать, то и дело прячась от него то за шкаф, то за остолбеневших детишек, выискивая своими некрасивыми глазами Витьковы и снова прячась за какой-нибудь предмет. Он подумал, наверное, это ей интересно – прятать свое уродство.

– Как тебя зовут? – спросила она у Витька.

– Витек, – ответил тот насупленно.

Она взяла с пола игрушечную лопатку и стукнула его по лицу:

– Вот тебе, Витек.

Чирков убежал и заплакал. Он плакал и звал на помощь, но никто не пришел…

Лязгнул дверной замок. Чирков встрепенулся и резко сел на нарах. Вошел тюремный контролер в сопровождении конвоиров.

– Чирков! На допрос, – сухо скомандовал он.

Чирков медленно встал. Лампа дневного света, казалось, еще яростнее ввинтилась в уши своим навязчивым, сухим гулом. Точь-в-точь как тогда, в детском доме.

Глава пятая
Холодный утренний кофе

Турецкий был разбужен звонком. Некоторое время он лежал, с трудом осознавая реальность. В другой бы раз он вскочил немедленно, повинуясь многолетней привычке. Скорость реакции, вечная собранность – не расслабляться ни при каких обстоятельствах. Но сегодня он уже наконец ощущал себя в отпуске и даже стал привыкать жить без служебных звонков. Сейчас Турецкий лежал, мучительно не желая подходить к телефону. Было даже что-то детское в его нежелании, какая-то обида на телефон.

После четвертого сигнала Александр резко поднялся и взял трубку.

– Турецкий, – сообщил он в трубку, позабыв спросонья, что он дома и может, как простой обыватель, говорить банальное «алло».

– Здравствуй, Турецкий, – услышал он звучный голос друга, – это Меркулов.

– Привет, – сказал Александр, борясь со сном.

– Как дела?

– Какие могут быть дела ни свет ни заря у человека в отпуске?

– Какая ж заря? Ты на часы погляди – полдвенадцатого.

Или у тебя, как французы говорят, «жирное утро»?

Турецкий, щурясь, взглянул на часы.

– У меня «жирный месяц», – огрызнулся он.

– Слушай, – продолжал Меркулов ласково, – давно не виделись. Может, позавтракаем вместе?

В голосе старого товарища звучала такая ироническая нежность, что Александр понял: дело не в завтраке и не в том, что Меркулов соскучился. Надо заметить – как это ни странно, при всей доверительности их отношений, – Турецкий виделся с Меркуловым не так уж часто, в основном по поводу совместной работы. Самое нелепое предложение заспанному человеку сейчас бросить все, главным образом еще не остывшую постель, и мчаться в кафешку, чтобы за чайком калякать о том о сем, – было в этом что-то глумливое над всей природой отношений Турецкого и Меркулова.

– Ну, что случилось? – хмуро спросил Александр.

– Ты знаешь, полно новостей. Посидим, посплетничаем часок – у меня как раз свободное время. Через полчаса в «Савое», – закончил неожиданно он.

– Небритый в «Савой» я не поеду.

– В «Савое» через тридцать две минуты. О'кей?

– О'кей… – грустно сказал Турецкий.

Через тридцать пять минут он входил в вестибюль ресторана «Савой». Когда-то фешенебельный, теперь «Савой» выглядел старомодным ресторанчиком, в котором вполне можно было укромно поговорить, особенно в дневные часы. Ту-

рецкий, изящно и со вкусом одетый, в тонком аромате одеколона, был препровожден к столику Меркулова. Тот сидел, размешивая ложечкой кофе.

– Ну что, пробки на дороге? – спросил он, глядя на часы.

– Да, на Садовом.

– Я и сам задержался.

Пунктуальность была сильной чертой характера обоих, и они не имели обыкновения подзадоривать друг друга мелочными опозданиями.

– Я не знал, что тебе заказать – кофеечку или что посерьезнее. Ты по-прежнему с утра не завтракаешь?

– Нет. Я и до кофе не охотник. А хотя ладно.

Турецкий заказал кофе и выжидательно умолк. Меркулов продолжал размешивать сахар в кофе, уже совершенно машинально.

– Слушай, – сказал он наконец, – ты авиацией увлекаешься?

– Ну, в прошлом, – отвечал Александр. – Раньше, бывало, модели самолетов клеил. Но это было лет тридцать назад, сейчас я уже квалификацию потерял.

– Ага, самолеты… Я тоже клеил.

– Тогда все клеили.

– Я их, помню, берёг-берёг, а когда постарше стал – надоели они мне все, как редька. Стоят, пылятся… А потом кошка один уронила, так он упал – в мелкие дребезги. Я было поначалу кошку оттаскал, а потом сам увлекся – кидаешь

его из окна и смотришь, как он там. Так и перекокал всю коллекцию.

– А я свою на индейцев выменял. Помнишь, гэдээровские были?

– Помню. Читал про «Антей»? – неожиданно перешел Меркулов к делу.

«Да, – подумал Турецкий, – достал меня-таки этот самолет».

– Читал. Это уж, кажется, не первый случай?

– Не первый. Что-то здорово наши самолеты биться стали последнее время.

– Да сейчас все обветшало.

– Ну брось, какое-то у тебя рассуждение… старческое.

Меркулов лукаво поглядел на Турецкого:

– В Сибирь не хочешь слетать? Холода не боишься?

Турецкий нахмурился. Не зря он утром не хотел поднимать трубку. Сразу сердце нехорошо екнуло. Но при чем тут он? Какое отношение он имеет к упавшему «Антею»?

– Подожди, но разве дело не в военной прокуратуре?

– В военной.

– Так при чем здесь я?

– А вот и хорошо, что ты здесь как бы ни при чем. Ты туда едешь, – Меркулов говорил «едешь», как будто дело было уже решенное, – потому что погибли гражданские, то есть дело-то не только военное. Погиб самолет, погиб экипаж. И под четыре сотни людей просто – хоккеисты и болельщики.

Так что и нам интересно – спроста ли это?

– Ну да, да, конечно, – сказал Турецкий, все еще недопонимая, – а я-то здесь при чем? Я секу, к чему ты клонишь, что просто так самолеты редко падают. Но ведь не мне же, с моими познаниями в авиации, этим сейчас заниматься? Прежде чем будут получены результаты работы правительственной комиссии, мне и делать-то там нечего. Это я уж не говорю о том, что у меня вообще-то отпуск.

– Конечно, конечно… дождемся результатов комиссии, дождемся промеморийки военной прокуратуры, дождемся, когда рак на горе свистнет, а там уж…

– Да что ты иронизируешь все, я правда не понимаю, – стал раздражаться Турецкий. – Это же не мой профиль. Что я могу там сделать – без специальных знаний, расследуя дело, в котором главным виновником всего вернее окажутся силы судьбы? И сколько бы там народу ни погибло, дело техническое. Отправь туда кого-нибудь, знаешь… Все-таки с моей квалификацией…

Меркулов, поняв, что своими подколками раздражил сонного Турецкого, вздохнул и посмотрел на свои белые, холеные руки.

– Значит, так, слушай. Этот «Антей» вез на продажу в Индию два истребителя. Не старое барахло, а новейшие, «Су-37», в какую цену – сказать страшно. Дороже они могут быть, только если им на фюзеляже перламутровую инкрустацию сделать, и то ненамного ценнее станет. Так вот наши

продали эти вещицы в Индию – это, как ты понимаешь, пресса осветила слабо. Совершенно случайно – мы все в это верим – самолет не пролетает и пары километров и разбивается в пыль. Наше народное достояние – истребители и «Антей» превращаются в металлолом, погребая под собой всю интересующуюся хоккеем часть населения Новогорска, завод получает страховку, вдовы и сироты – компенсацию за понесенный ущерб, Индия – наши извинения, все, с понятными оговорками, довольны, но чудится мне, должен быть в этой мешанине кто-то, кто доволен больше всех, даже так скажем, больше всех, вместе взятых. И вот мне бы и хотелось выяснить, чудится или на самом деле. Кто доволен? Кто будет смеяться последним? Индус? Не знаю, пакистанец? Наш? А если наш – то откуда, из Новогорска или Москвы? Конечно, ты прав, быть может, тут действовали силы судьбы, рок, так сказать. Тогда разведем руками – все, в конце концов, под Богом ходим. Но верь мне, трагедия умерла вместе с Древней Грецией. В наш век люди гибнут из-за денег.

Меркулов замолчал и поднес к губам чашку с кофе. Напиток уже остыл, и, по всему судя, Меркулову вовсе не хотелось его пить. Не хотелось пить и Турецкому. Он взял чашку за ручку и медленно стал вращать ее вокруг оси. Чашка издала мелодичный тихий звон, царапаясь о блюдечко.

– Ну что же, – сказал Турецкий наконец, – если я скажу, что в восторге от твоего предложения, то явно погорячусь.

– А ты не горячись, подумай. Я же не навязываю тебе его,

а пытаюсь заинтересовать. Я же понимаю, уже такой возраст близится, когда все становится скучно. Вот я, как друг, о тебе и беспокоюсь, ищу тебе работку поинтересней.

– А, так это ты по дружбе… – с теплой иронией сказал Турецкий, – ты извини, это поначалу в глаза не бросилось.

– Конечно, по дружбе, – засмеялся Меркулов. Он перегнулся через столик к Александру: – Это еще неизвестно, погладят ли меня по головке, что я *тебя* туда отправляю. Ты, конечно, наша гордость, национальное в некотором смысле достояние, к тому же в законном отпуске, но уж больно ты зорок. Там, где другие найдут то, что требуется, ты сыщешь много лишнего. Вот это лишнее меня и интересует. Знаешь, наши бонзы предпочтут бриться тупыми бритвами, лишь бы не порезаться. А ты – бритва острая.

Меркулов улыбнулся. Он смотрел на погрустневшего Турецкого, дружбой с которым втайне гордился, и понимал, что того надо приободрить. Все-таки этот супермен, лучший из российских следователей по особо важным делам, предмет поклонения полиции Европы и США (где наши таланты отроду ценили больше, чем на родине), был в чем-то ребенком. Меркулов понимал, что Турецкий уже давно согласился в душе с его предложениями, но оставалось еще немного, чтобы окончательно убедить его.

– И потом, понимаешь, – Меркулов отодвинул чашку, уже явно охладев к кофе, – это я тебя прошу. Это моя личная просьба. У меня не так много друзей, к кому я могу обра-

титься.

Долг дружбы был священ для Турецкого. «Ты или никто», – говорил ему сейчас Меркулов.

– Эх, что бы не стать мне на уголовную стезю… – проворчал Турецкий. – Сидел бы сейчас тихонечко в Бутырке, общался бы со всякой публикой без затей – жулики, бандиты, головорезы… И заметь, никого не выдергивают по прежнему месту «службы». Отдыхать так отдыхать – на полную катушку. А здесь черт-те что – самолеты, трупов насыпано, как в Апокалипсисе.

– Да ладно тебе, не ворчи, – засмеялся Меркулов. – Ты бы из своего отпуска через недельку и сам сбежал от скуки. Ты вообще когда-нибудь отпуск догуливал до конца?

– Я на этот раз решил твердо, – уклонился от прямого ответа Александр.

– Вот. А давеча Чирка взяли…

– Чирка взяли?! – оживился Турецкий. – Вот тебе и на… Я думал, этот вообще вечный.

– И на старуху бывает проруха. Попался на ерунде – пионеры застукали. Зарезал кого-то из своих дружков – тот еще не успел Господу ответ дать, а наш Грязнов уже ведет Чиркова под белы рученьки.

– Грязнов брал? – Александр все больше оживлялся, слыша знакомые фамилии. – Вот молодец!

Турецкий улыбался, представляя себе грузного Грязнова – циника и добряка, – который берет бандита.

– Ладно, пойдем, – тронул его за локоть Меркулов. – Наше свидание затягивается, как я понимаю. Надо бы тогда нам в контору зайти, я тебе передам кое-какие документы. Билет на тебя заказан, сегодня в семь будешь в Домодедове…

– Как – сегодня в семь?..

– Ну послушай, – примирительно сказал Меркулов, – я же все-таки не первый год тебя знаю. Мог ли я предположить, что ты откажешься?

– Ох, Костя, ты из меня веревки вьешь…

Они встали и пошли от столика, оставив две невыпитые чашки кофе и щедрые чаевые. Официантка, привычно скоро принимая чашки на поднос и деньги в карман передника, еще слышала удаляющуюся фразу:

– А завтра с утречка ты уже будешь в Новогорске…

Дальше было уже неразборчиво, да и не больно ее интересовало.

Глава шестая
Тряпка

А Валентин Дмитриевич Сабашов только что вышел из отпуска. Если у Турецкого отпуск зимой был личной причудой, неким показателем его ценности и даже уникальности – вот, дескать, захочу и уйду в отпуск посреди самого напряженного рабочего времени, – то у Сабашова все было как раз с точностью до наоборот. Он не сам уходил в отпуск, его отправляли. И не потому, что Валентин Дмитриевич был плохим работником, нет, двадцать пять лет на службе в городской прокуратуре были примером безупречного служения духу и букве закона. Просто Сабашов был человеком безотказным, настолько безотказным и безропотным, что жена, дочь и особенно сестра жены считали в полном праве называть его прямо – тряпка. Это прозвище, слава богу, в прокуратуру не попало, но суть его была и там хорошо известна. Вот даже, например, дело о гибели «Антея», которое взбудоражило весь город, поручили не ему, а молоденькому Сюгину, который то и дело звонил: Валя, помоги, Валя, расскажи… Но Сабашов и на это не обижался.

Месячное свое конституционное право Сабашов тоже отгулял не полностью, его то и дело дергали по служебным делам, хотя никто и не подумал вычитать из отпуска эти вспол-

не рабочие дни. Собственно, беззаботно гулял Сабашов всего, может быть, неделю. Успел на три дня смотаться в тайгу, походить на лыжах. Взял с собой ружьишко, но стрелять не стал, он не любил охоту, оставлял это кровавое дело президентам и промысловикам. Просто погулял, подышал воздухом, поглядел на природу, подумал о жизни, романтически полюбовался звездами, не помышляя их хватать с неба, и даже тихонько помурлыкал себе под нос (чтобы медведи не слышали, что ли?) несколько бардовских песен шестидесятнической вольности.

Сам Валентин Дмитриевич был не из этих мест, а вовсе даже с юга, из самой Ялты. Все в Сибири было ему чужим, но он, вот есть такие натуры, всеми силами старался это чужое сделать родным, поэтому часто простужался, обмораживал нос и уши, впрочем, никогда из-за таких пустяков не пропуская работу.

Городской прокурор тоже позвонил Сабашову утром. Валентин Дмитриевич уже встал, правда, собирался на работу, но столь ранний звонок и его сердце заставил противно заныть.

– Валентин, – сразу перешел к делу прокурор города, – у тебя там сейчас что?

– У меня есть дела… – начал было Сабашов.

– У всех дела. Значит, так, у меня к тебе одно известие – к нам едет…

«Ревизор», – мысленно закончил Сабашов.

– …следователь из Москвы. Турецкий. Знаешь такого?

Господи, еще бы Сабашов его не знал! Когда-то был в командировке в Генпрокуратуре и запоем, как увлекательнейший роман, читал информационное письмо о расследовании одного заказного убийства, которое вел Александр Борисович. Правда, лично познакомиться не пришлось.

– Слышал, – степенно ответил Сабашов.

– Вот ты к нему прикрепляешься. Самолет в девять утра. Встретишь, введешь в курс.

– А машина будет?

– Машина? Нет машины. Ты у нас на что? – двусмысленно ответил прокурор.

Сабашов так обрадовался, что даже пропустил возможную у другого, нормального человека обиду, – меня, мол, квалифицированного следователя со стажем и опытом, прикрепляют как мальчишку на побегушки.

– Есть, – коротко ответил Сабашов.

Приготовленные клетчатая рубашка и свитер были отставлены, торжественно вынуты белая рубашка, галстук, выходной костюм и туфли.

Валентин Дмитриевич еще раз на всякий случай побрился, щедро опрыскался «Деним Торнадо» и помчался на аэродром, уже через пять минут почувствовав, что ноги его превратились в две сосульки.

…В аэропорту Турецкий был в семь, полет начался в девять. В Екатеринбург прилетели поздней ночью. За это вре-

мя Турецкий успел подремать, поболтать с соседом, снова подремать и почитать газету.

Он терпеть не мог переездов и перелетов – столько времени пропадало даром. Ну, еще куда ни шло, если перелеты случались в гуще расследования дела. Было время подумать, сопоставить, наметить, угадать. А теперь? Сидеть и угадывать то, не знаю что? Фантазировать? Нет, этого Турецкий терпеть не мог. Потому что фантазии – он часто это видел – способны потом увести в такую непроходимую глушь и пустоту, что только ау! Ничего наперед угадывать нельзя. Надо собирать, копить, как скупой рыцарь, а потом все само собой сложится.

Потом часа три ждали рейса до Новосибирска. Туда прилетели уже утром, но и здесь пришлось ждать самолет в Новогорск.

Поэтому, когда Турецкий спустился на промерзлый бетон аэродрома в пункте назначения, он был раздражен и хмур.

– Здравствуйте, Александр Борисович, – вышагнул из толпы ожидающих небольшого роста человек с лихорадочно румяными щеками, одетый словно на концерт заезжей знаменитости. – Я Сабашов Валентин Дмитриевич из городской прокуратуры. Мне поручено вас… Ой, извините, вот мои документы. – Человек суетливо сунулся в карманы и вдруг застыл. – Я забыл дома.

Сабашов хотел оправдаться тем, что, такая глупость, начал переодеваться, а удостоверение забыл.

А у Турецкого вдруг настроение резко пошло вверх.

– Здраствуйте, Валентин Дмитриевич. Я у вас, наверное, замерзну, как цуцик. Можно будет мне устроить какие-нибудь валенки?

Турецкий обожал таких людей. Скромность и безотказность – вот это настоящие добродетели, – в глубине души восхищался он, не отдавая себе отчета, что эти качества и ему были отнюдь не чужды.

– Валенки? – почему-то тоже обрадовался Сабашов. – Разумеется. У вас какой размер?

Сознавался ли себе Сабашов, что приказ помогать Турецкому означает кроме всего – шанс, настоящий шанс выпрыгнуть из рядовых в командиры, проведи он это дело хотя бы на уровне. Вряд ли. Главное, что это вполне осознал Турецкий. Он не считал себя открывателем народных талантов, но, прекрасный физиономист и опытный следователь, угадал сразу же все житье-бытье Сабашова и незаслуженную его «задвинутость». Знал, что именно на таких людях еще держится законность в стране, хоть как-то, но держится. И помогать им считал своим долгом.

– В прокуратуру? – спросил Сабашов, переминаясь с ноги на ногу на автобусной остановке.

– Нет. Зачем? Лучше вы меня введите в курс дела.

– Ну, авиакатастрофой у нас занимается Сюгин, – скромно сказал Сабашов.

– Я не про катастрофу. Вы мне вообще о городе расска-

жите. О людях, о… Ну, вообще все, что считаете нужным.

Это был тест. Турецкий действительно интересовался местом, где ему придется заниматься работой, но от того, что расскажет Сабашов, тоже кое-что зависело. Например, Турецкий хотел убедиться, что его познания в физиогномике не пустой звук.

– Завод, аэродром, вот этот самый, и город – вокруг все и вертится, – сразу начал с главного Сабашов. – Семьдесят процентов нашего небольшого по российским меркам городка работает или работало на самолетостроительном. Когда-то город был закрыт на все замки. Кстати, когда его открывали, те же семьдесят процентов были против. Что вы – за сорок лет его существования преступность почти на нуле была. Квартиры открытыми оставляли, само собой – снабжение на столичном уровне, а как же – оборонка. А теперь что ж. Теперь те же семьдесят процентов живут от зарплаты до зарплаты, которая выплачивается крайне нерегулярно. Завод когда-то и городскую казну держал, теперь уже не может. Самому бы выжить. Есть у нас и свои бизнесмены. Восемь человек. Два ресторана частных, несколько кафешек, ларьки, автомастерские. Все. Частному предпринимательству развернуться особенно негде. Бизнесмены наши народ дисциплинированный. Более того – зашуганные до икоты. Их наша прокуратура, милиция, ФСБ, налоговая полиция, да что там, все, кому не лень, трясут чуть не еженедельно. Разборок бандитских нет. Делить нечего. Когда-то ж тут

сталинская каторга была. Гиблое место. М-да… – Сабашов, который по мере рассказа обретал все большую уверенность, смолк. – Действительно, гиблое. За три сотни количество жертв перевалило, знаете?

– Об этом потом, ладно? – сказал Турецкий, вспоминая свой разговор с матерью, когда ему и сто человек погибших казалось перебором.

– Ну, вот сейчас город стал помаленьку выкарабкиваться. Завод заключил контракты на поставку истребителей, пошли живые деньги. Как-то стало поправляться. А люди… Люди хорошие. Сибиряки. Открытый добрый народ. Я когда в первый день сюда приехал – я сам с юга, в Ялте бывали?

– Давно.

– Я сюда по распределению попал, – почему-то хвастливым тоном сказал Сабашов. – Так в первый день пошел в магазин, и старушка, что передо мной стояла, пока до прилавка дошли, мне всю свою жизнь, жизнь своих детей и внуков рассказать успела. Даже за дочку свою сватала. Я сначала подумал: ну, бывает. Нет, оказалось – сплошь и рядом. Правда, сейчас и это на убыль пошло, а жаль. Ну, вот это наш автобус. Куда поедем?

– За валенками, – простучал зубами Турецкий. И растянул смерзшиеся губы в улыбке – он не ошибся, физиогномика его не подвела, Сабашов работник что надо…

Глава седьмая «НЕ ВСЕ МОСТЫ ГОРЯТ»

Добыли валенки в магазине. Турецкий хотел еще и кало-

ши, но продавщица, которая ради валенок лазала черт-те куда в пыльные углы склада, жестко отрезала – нет калош.

В прокуратуре Турецкий познакомился с Сюгиным, который уже вел дело, долго беседовал с ним, изучал материалы дела, потом составил следственную бригаду, в которую, конечно, включил Сабашова и Сюгина. Для первого дня дел было более чем достаточно. Но Турецкий торопился и покончил с формальностями уже к полудню – теперь дело было в его производстве. Сюгина попросил составить список свидетелей, а Сабашова попросил связаться с экспертами.

В гостинице было жарко натоплено, и холод ударил в лицо Турецкому, едва он вышел за порог. Но зато ноги теперь блаженствовали. Можно было дождаться Сабашова, и тем не менее «важняку» необходимо было уже сейчас оказаться на месте катастрофы.

Почему-то уже сейчас, еще не вникнув в обстоятельства дела, Турецкий про себя именовал катастрофу «преступлением» – ведь пока все говорило о том, что он имеет дело с несчастным случаем, с трагедией, волей судьбы. Но внутреннее чутье, на которое Турецкий не мог сослаться в разговоре, но сам для себя полагал едва ли не важнейшим для следователя качеством, подсказывало ему, что гибель «Антея» – не случайность.

Бальзак говорил, что в основе всякого большого состояния лежит преступление. Точно так же можно предположить, что всякая катастрофа, в которой вместе с людьми гиб-

нут огромные суммы, подразумевает возможность тайного корыстного вмешательства. Турецкий был уверен, что в подавляющем числе случаев таинственные катастрофы были неразгаданными преступлениями. «Впрочем, – размышлял он по пути к стадиону, – эта мысль лежит на поверхности. Тут не надо так уж пытать ум, чтобы заподозрить неладное. Да… „Антей“… Есть что-то театральное, рассчитанное на эффект в этой трагедии. Так, для начала выгоревший дотла стадион, горы обезображенных трупов, неутешные вдовы и сироты – хороший зачин для американского кино».

Он остановился перед постом милиции. Молодой милиционер, утепленный сообразно климату, неуклюже поднес к глазам удостоверение Турецкого, едва сгибая локоть, вернул «корочку» и так же неловко махнул рукой в направлении стадиона.

Турецкий, с трудом привыкая к валенкам, потопал по заснеженной улочке. Ближе к стадиону пейзаж стал меняться. Кварталы, непосредственно примыкающие к месту гибели «Антея», были частично выселены – многие жители переехали к родственникам до поры, когда страшная картина огненного смерча над стадионом изгладится в памяти. Иные, напротив, наотрез отказались выезжать, несмотря на выбитые стекла, закопченные стены своих жилищ. Впрочем, воронка стадиона спасла город от пожара – бедствие локализовалось бетонными стенами чаши.

Турецкий решил обойти стадион вокруг. Что он рассчи-

тывал найти? В общем-то ничего, но ему необходимо было вжиться в атмосферу того дня, заставить работать не только ум, но и душу. Снег стаял, пожар обнажил асфальт, за прошедшие сутки уже покрывшийся тонким слоем льда. По земле были рассыпаны головешки, куски битого кирпича в копоти. Турецкий нагнулся и поднял бесформенный кусок стекла, сплавившегося с несколькими гвоздями. Держа «сувенир» перед глазами, он, неловко шагнув, наступил на обгорелый комок тряпок – под подошвой что-то хрустнуло. Отступив, Турецкий понял, что это была мертвая птица – галка или молодая ворона. Чуть поодаль от нее валялась другая, третья. Ближе ко входу на стадион, где опять же дежурил пост милиции, мусор, в том числе и мертвые птицы, был сметен в две большие кучи. Турецкого до боли поразили беспомощные, жалкие, скомканные трупики этих невинных тварей. Но Александр скрепил сердце, предчувствуя картину еще более ужасную.

При входе на стадион у центральных ворот Александру вновь пришлось предъявить удостоверение. Место катастрофы приходилось «защищать» от родственников погибших – особенно женщин – и праздных зевак. Турецкий прошел в ворота. В лицо ему светил слепящий прожектор.

Выйдя из луча света, Александр некоторое время ничего не видел в темноте, но постепенно перед глазами обозначились контуры громады «Антея». В зыбкой предутренней

темноте «Антей» – вернее, то, что от него осталось, – казался египетски огромным. Еще недавно легкий, стремящийся в небеса, он стал уродливым, черным, скомканным. Он зарылся носом в нижние ряды трибун, так что стена стадиона от сотрясения расселась и обрушилась. Одно крыло оторвалось и лежало в удалении от фюзеляжа. Сам фюзеляж распался на куски, покрыв собой едва ли не на две трети площадь поля.

Турецкий не раз видел «Антеи», и даже случалось, что ему приходилось бывать пассажиром «Антея». Самолеты никогда не казались ему настолько уж огромными. Всегда, когда представляешь себе большие величины, в воображении они оказываются масштабнее, нежели на самом деле. Но теперешняя картина впечатлила Турецкого. По странной закономерности мертвый «Антей» показался ему много больше, точно так же, как покойник кажется тяжелее живого человека.

Команда судебно-медицинской экспертизы располагалась в металлическом фургончике, отапливаемом бензином. На примусе шумел маленький чайник, рядом стояли металлические кружки и простые граненые стаканы – медики отогревались чаем.

– Турецкий? Здравствуйте, здравствуйте, не думал, что приведется познакомиться, – улыбчиво засуетился белобородый старичок. – Разрешите отрекомендоваться – профессор Пискунов Марк Анатольевич, а это – военврач, майор

Спиридонова. Людмила, поди сюда… – адресовался он за занавеску.

Из-за гардины вышла пожилая женщина в очках и телогрейке, из-под которой выглядывал белый халат. Она по-мужски пожала руку Турецкому.

– Спиридонова, – сообщила она низким, грудным голосом.

– Желаете чайку? – осведомился Марк Анатольевич, судя по всему – большой хлопотун.

– Нет, благодарствуйте, – отозвался почтительно Турецкий. Он тоже слышал имя Пискунова – профессора, человека великого в своей страшной специальности – патологоанатомии. Видать, многим показалось, что дело стоит разбирать на высшем уровне, если приглашаются светила такого масштаба.

– Не проводите ли меня на место?

– Да, да, – закивал старичок, тут же отставив чашку и кутаясь в несколько кофт и шарфов. – Вот ведь холодрыга! Это я в Москве ворчал, что холодно, а здесь уж не ворчу – слова замерзают, а?

Военврач Спиридонова подала профессору рукавицы, которые тот рассеянно надел, перепутав правую и левую. Мужчины вышли на мороз. Дверь за ними закрылась, затем хлопнула еще раз. Военврач Спиридонова нагнала их и, угрюмо блестя очками, пошла следом.

– Каковы первичные наблюдения, доктор? – спросил Ту-

рецкий.

– Да что сказать… Обнаружено триста восемьдесят пять трупов в различной степени термического поражения. В эпицентре горения останки хоккеистов и экипажа, разумеется, будут проблемы с атрибуцией. Ну, вы понимаете, тут в иных местах земля оплавилась – жарко горело. Кстати, непросто было набирать врачей из местных врачебных учреждений – это для нас все объекты под номерами, а для них – родственники, друзья…

Военврач Спиридонова засопела в рукавицу с намерением вступить в разговор.

– Тут одна – доцент из мединститута, – подала она голос, – держалась вроде ничего, а увидела пацана с задних рядов – ну, лицо уцелело – и давай в слезы – студента своего опознала.

– Да, да, – рассеянно вторил Пискунов, – такова она, жестокая селява. Ну, да, впрочем, сами увидите сейчас. У человека неподготовленного сердце разорвется. Уж я, виды видавший, и то первый день аж перекрестился – такое только в кино про Освенцим увидишь.

Они приближались к краю поля, где стояли носилки, покрытые зеленым брезентом. К брезентовым одеялам были прикреплены трехзначные номера, написанные химическим карандашом на клеенке. Здесь тоже стоял металлический вагончик, в котором работала судебно-медицинская комиссия.

– Проходите, проходите, – пригласил Марк Анатолье-

вич, – осторожно, ступеньки скользкие.

На столе посередине комнаты располагался патологоанатомический стол, на нем в скорчившейся позе лежал обгорелый труп. Молодая женщина в очках, шерстяном свитере под халатом монотонно диктовала сестре:

– Идентификационные признаки объекта номер двести одиннадцать. Тело зафиксировано в эмбриональном положении…

– Раздевайтесь, раздевайтесь, – полушепотом подсказывал профессор.

– …степени поражения мышечной ткани в области правой голени – шесть, правого предплечья и плеча – шесть, грудной клетки и брюшной полости – пять, черепа – шесть и пять…

– Да, вот видите как? Мало осталось, прямо скажем. Вот так вот, жил, жил человек… – вздохнул профессор.

– На трупе обнаружены детали одежды. Список прилагается…

– Тут уж только по зубам определить можно, – пояснял Пискунов. – Чем хуже зубы были при жизни, тем проще проходит идентификация – по медицинской карте. Вон, сгорел человек, а вот, вот, глядите, – он потыкал рукой воздух в направлении оскалившегося, лишенного губ черного лица, а коронки фарфоровые целы. Так что видите, не все мосты горят, – хихикнул Пискунов, довольный мрачноватым каламбуром.

– В ротовой полости металлокерамический протез на четыре единицы, верхние второй, первый, первый, второй… – словно слыша его, монотонно продолжила эксперт.

– Ну, да, впрочем, вас вряд ли это может интересовать, – спохватился профессор, – у вас, видимо, есть ко мне вопросы более серьезные.

– Да, Марк Анатольевич, несомненно. Вы имеете план расположения людей на момент аварии?

– Да, да, конечно, конечно, пойдемте, – засуетился профессор.

– Соматические признаки позволяют предположить принадлежность трупа человеку мужского пола двадцати – двадцати двух лет. Детали костюма позволяют определить объект как тело одного из хоккеистов. Смерть наступила в результате пространного термического поражения третьей – шестой степени… – продолжала без интонации свою речь медичка.

– Парень-то молодой совсем, – сказала вдруг Спиридонова, – а зубы уже фальшивые.

– Хоккеист, – отозвалась сестра, – небось шайбой выбили.

Турецкий с плохо скрытой неприязнью посмотрел на говоривших. Пискунов перехватил его взгляд и, на этот раз не суетясь и не хихикая, твердо спросил:

– Находите нас бесчувственными? А тут под четыреста трупов. Стольких жалеть – для этого надо быть богом. А мы человеки. Пойдемте.

В административных помещениях при стадионе Турецкий получил из рук профессора план стадиона, где были помечены все обнаруженные погибшие. Отдельно прилагался план поля, где под номерами были обозначены стилизованные фигурки хоккеистов и экипажа. В легенде карты были даны основные характеристики всех обнаруженных после аварии тел и предположительная их принадлежность.

– Можно сказать, работа почти завершена, – сообщил Пискунов, – полагаю, сегодня к обеду управимся окончательно. Тела описаны, их принадлежность установлена. Есть, конечно, казусные случаи. Про иных никто даже узнать не пытается – сироты, что ли? Никому не нужны. Как так бывает? Или вот, глядите, – он указал на синие контуры фигур экипажа, – одного найти не смогли пока. Взрывом, что ли, выбросило? А с командой другая беда – один лишний. Откуда взялся?

Пискунов пожал плечами.

– А кого из экипажа не хватает? – заинтересовался Турецкий.

– Пока не ясно. Сегодня после обеда будет опознание. Судя по всему – второго пилота. Отыщется где-нибудь. Без него уж, извините, военный самолет со спецзаданием никто не отпустит. Весь экипаж зарегистрирован… да что я вам рассказываю, вы небось все и без меня знаете, уж получше, наверное…

Схема лежала перед глазами Турецкого, явно указывая на отсутствие трупа.

– И вот еще что я вам скажу как врач. Тут кое-что интересное всплыло. Не хочется выдавать коллег – то, что называется «преступная халатность». У штурмана – царствие ему небесное, в карточке ведомственной поликлиники написано – «практически здоров». Свинка и корь в анамнезе. А тут справки навели – он, оказывается, еще застрахован в медицинской компании «Россия». Так вот у него в карте там – ИБС, ишемическая болезнь сердца. И вам скажу – весьма неприятная. Ну, сами понимаете, летчики народ на небе помешанный. А с таким сердечком он вполне мог накануне полета оказаться у меня на столе. Так что не исключено, что «Антей» погиб через минуту после штурмана.

– Благодарю вас, доктор, – сказал Турецкий, – то, что вы сказали, очень ценно.

– Но вы меня не выдавайте, – заволновался Пискунов, – до вас бы это все равно дошло, но мне не хотелось бы прослыть фискалом. Однако – Платон мне друг, но истина все-таки дороже… Вы уходите? Что же, удачи вам, в добрый час.

Турецкий покинул стадион, оставшийся за его спиной тяжелой громадой. Солнце уже всходило, тьма постепенно отступала, и силуэт здания стал четче. Турецкий обернулся и еще раз внимательно осмотрел его, словно стараясь запомнить. Под ногой что-то хрустнуло. Турецкий отшвырнул ботинком смерзшийся комок горелых перьев и пошел к авто-

бусу.

Глава восьмая
Первое убийство

Павел Болотов, следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры России, был человек серьезный и с принципами. Он был еще молод для следователя, очень молод, и то, что ему поручили следствие по делу Чиркова, он рассматривал как подарок судьбы, сулящий ему немалые выгоды. До сих пор Болотов занимался вещами несерьезными, как ему казалось, – все это были более или менее рядовые правонарушители. Проходили годы, он все еще был молод для следователя, но уже отмечал для себя, что входит в возраст, когда человек начинает терять волосы и зубы. Где была слава, о которой он мечтал? Где романтика? Где, наконец, опасности, интриги, которые грезились его подростковому воображению, когда он выбирал свое поприще? Где все это? Где? Болотов задавал себе эти вопросы и, разумеется, никогда не получал на них ответ. Он был уверен, что работает по призванию, и стены прокуратуры и даже Бутырской тюрьмы вовсе не казались ему такими уж мрачными – он, например, любил Бутырку за надежность, за зримое торжество добра над злом. «Добро должно быть с кулаками», – говаривал Болотов и непроизвольно выставлял на вид собственные кулаки – большие, мужицкие. Толстые стены Бу-

тырской тюрьмы (из которой, как убеждались самонадеянные заключенные, невозможно сбежать), всегда вселяли в Болотова уверенность, что добро все-таки сильнее, чем зло. Можно сказать, что по духу Павел Болотов был вполне сказочником, но сказок писать не умел и вообще обладал фантазией неповоротливой и пассивной. Он был обычный следователь, служака без затей, один из многих ему подобных. Но вот и на его улице обозначился праздник. Чирков – «вор в законе», неуловимый Чирков был у него в руках при очевидных против него уликах. Болотову было ясно как белый день, что Чиркову на этот раз не уйти, и ему, Павлу Болотову, предстояло неторопливо и вдумчиво размотать сложные переплетения мотивов его преступлений, обнаружить многочисленные связи Чиркова с преступным миром, а может быть, и вывести кое-кого на чистую воду.

Болотов самодовольно усмехался, представляя себе этих «кое-кого». Пока у него еще не было подозрений, но он был уверен, что Чиркову покровительствуют. Кто – он не знал. Видимо, значительные лица. Вот если бы удалось разоблачить их, этих «кое-кого»…

Болотов осторожно пофантазировал о своей фотографии в газетах.

Пока же ему предстояла схватка, в которую он вступал только затем, чтобы победить и никак не проиграть. Идя на допрос Чиркова, Павел не торопился, с тем чтобы соблюсти хладнокровие. Следователю пристало быть спокойным, уве-

ренным в себе; юлить, изворачиваться, хитрить – дело преступника. Задача Болотова: применив логические ходы, поставить преступника в тупик, вынудить сознаться.

Болотов, правда, не знал о размышлении начальства по его поводу и по поводу дела Чирка. Бандит был полностью изобличен, пойман, что называется, за руку, что-либо скрывать было бессмысленно. Да и вся его преступная жизнь была у правоохранительных органов как на ладони, поэтому особенно изворотливого, сильного, умного и хитрого следователя к нему приставлять не было нужды. Тут мог справиться и приготовишка. Так был выбран не очень талантливый, мягко говоря, Павел Болотов. Впрочем, был, конечно, у начальства некий тайный интерес к делу рецидивиста, но об этом пока молчали. Сами, очевидно, не до конца разобрались.

Болотов зашел в буфет и выпил кофе. Не то чтобы ему хотелось кофе, но он нарочно отсрочивал встречу, задерживался, воспитывая в себе характер – ему хотелось быть уже скорее там, в кабинете, увидеть холодные, волчьи глаза убийцы и потушить их звериный блеск суровым взглядом человека доброго, честного и с принципами.

Чирков в гражданской одежде, но в предусмотрительно надетых наручниках дожидался следователя в его кабинете. Несмотря на настойчивые просьбы заключенного допустить к допросу без наручников, несмотря на его повелительный

магнетизм в голосе, конвойные остались неумолимы. Сейчас, когда этот душегуб и кровопроливец был привезен из Бутырской тюрьмы – того единственного места, которое казалось для него подходящим, – сюда, в прокуратуру, уже странно было предполагать, что еще не так давно он катался на лыжах, приветливо общался с соседями по даче, ездил и ходил по улицам Москвы – неприметно, как один из горожан.

– Ты глянь, сидит как овечка, – полушепотом обращался один конвойный к другому, – не скажешь, сколько зарезал-перерезал…

– А ты, что ли, знаешь сколько?

– Не знаю. Знаю, что на десятки, поди, счет идет.

Чирков, не слыша этого перешептывания за своей спиной, но догадываясь о содержании неинтересного ему разговора, скользил взглядом по столу следователя. Стол был в совершенном порядке, видимо уже изо дня в день поддерживаемом на протяжении многих лет. Несколько маловажных бумаг были сложены в аккуратную стопку и прижаты сверху сувенирной медалью с профилем Ленина – не оттого, как видно, что Болотов был поклонником вождя, а от привычки видеть этот профиль долгие годы. Здесь же стояла пепельница в форме руки скелета, на которой лежал непропорционально маленький череп. Под стеклом, покрывающим стол, были расположены календарь, какие-то графики, пара фотографий семейного содержания – следователь Болотов с женой,

он же с дочкой, жена и дочь в отсутствие его, – видимо, некому было снимать, фотографировались по очереди. От нечего делать Чирков стал смотреть на лица жены и дочери следователя – перевернутые, они выглядели очень ненатурально со своими заготовленными для камеры улыбками.

Дверь растворилась, вошел Болотов.

– Встать, – тихо скомандовал один из конвойных, но сказал как-то ненастойчиво, робея, так что Чирков остался сидеть.

Болотов кивком поздоровался с подследственным и, изобразив на лице крайнюю озабоченность, принялся разбирать бумаги на столе. Он хмурил брови и покачивал головой. Достаточно показав преступнику себя в начальственном качестве, Болотов сел, взял в руки карандаш со следами покусов и пристально взглянул в глаза Чиркову.

Он встретился с холодным, нелюбопытствующим взглядом бандита. Глаза Чиркова не выражали ни страдания, ни ужаса, ни ненависти, в них не было также и тайной уверенности в себе, скрытой силы, и в то же время их нельзя было назвать невыразительными – у них была очень сильная внутренняя окраска, непонятная Болотову, а потому заставившая его внутренне сосредоточиться. Болотов подбавил металлу во взгляд и перевел его на переносицу Чиркова, чтобы добиться полной непроницаемости. Ему показалось, что Чирков улыбнулся, но это было ошибкой.

– Гражданин Чирков, – начал Болотов, – вы обвиняетесь

в убийстве гражданина Крайнего Григория Анатольевича. По вашему делу собраны неоспоримые доказательства. Факт вашего присутствия в доме Крайнего в момент совершения преступления является установленным.

Болотов остановился, с тем чтобы насладиться впечатлением от своих слов. Речь его была звучна, спокойна и изобличала совершенную его уверенность в своей правоте и неоспоримости.

Чирков слегка склонил голову и взглянул на следователя исподлобья, ожидая продолжения.

– Мне поручено произвести следствие по вашему делу. Я – следователь прокуратуры Болотов Павел Николаевич. Официальное обвинение вам будет предъявлено через пару дней.

Болотов сызнова металлически взглянул в переносицу Чиркова.

– Можно снять наручники?

Голос у Чиркова был тусклый, невыразительный, но в то же время в нем чувствовалась внутренняя глубина и сила – так, во всяком случае, ощутил Болотов. Может быть, правда, Павел Николаевич ждал от Чиркова чего-то необыкновенного, наслышанный о его преступной славе, и только оттого находил во взгляде подследственного мощь, а в голосе выразительность.

Болотов выдержал паузу, словно желая дать понять Чиркову обоснованность своих колебаний, и кивнул конвойно-

му. Этим величественным кивком Болотов обозначил, что разговор пойдет доверительный и открытый, что называется, «мужчина с мужчиной». Ему было известно, что Чирков оказал Грязнову бессмысленное и напрасное сопротивление, но в отношении себя он если и предполагал агрессию, то был полностью уверен в своих силах, чтобы ей противостоять.

Руки Чиркова освободились от оков. Он несколько раз сжал кисти в кулаки, чтобы размяться, и покойно сложил руки на коленях. Вся его поза выражала безмятежное спокойствие, словно он сидел не на допросе в прокуратуре, а просто за неизбежным скучным разговором.

– Надо ли говорить, – продолжал Болотов, отослав за дверь конвойных, – что кроме убийства Крайнего вы подозреваетесь в совершении и других опасных преступлений. В ходе следствия я буду вынужден обращаться к некоторым фактам вашей жизни, уже давно, может быть, вами забытых.

Болотов тонко улыбнулся. Среди «забытых» фактов было несколько ошеломивших общественность кровавых убийств.

– Если у вас есть обстоятельства, неизвестные следствию, которые снимают с вас вину или смягчают ее, я прошу вас незамедлительно их сообщить.

Чирков продолжал спокойно глядеть в глаза Болотову. Болотов тоже рискнул поменять точку зрения и глядел уже не в переносицу собеседника, а непосредственно око в око.

– Да какие там обстоятельства, гражданин следователь, –

тускло отвечал Чирков, – убил я гражданина Крайнего. Да и то сказать – убил. Дрянь человечишко-то был. Пристрелил, как собаку.

Руки Чиркова все так же покойно лежали на коленях.

Болотову не понравился ответ. Во-первых, было что-то уж очень презрительное в обращении «гражданин следователь». Во-вторых, Чирков уж слишком покорно сознался в преступлении, как-то вызывающе покорно. По всему судя, и в дальнейшем разговоре он намеревался выдержать этот тон развязной откровенности. Болотов насторожился. Благотворительность не была в списке добродетелей Чиркова (если этот список вообще мог существовать), и такое неожиданное признание казалось подозрительным.

Болотов начал обычный цикл вопросов, связанных с обстоятельствами и мотивами убийства Крайнего, хитро перемежая ничего не значащие, расслабляющие внимание, зачастую наивные вопросы и самые конкретные, важные для дела. Чирков отвечал несловоохотливо, но связно, точно. Несколько туманными виделись мотивы преступления, но Болотов был готов к тому, что в этом пункте Чирков начнет юлить, чтобы не выдать сообщников. Желая отвлечь Чиркова, запутать, с тем чтобы нанести удар врасплох, Болотов свел разговор на темы вовсе незначительные, заговорил о детстве, о первых впечатлениях жизни, сам разговорился, словно забыв о цели допроса.

– А что, хотите знать *все* грешки? – спросил вдруг Чир-

ков, и что-то бесенячье, задорное мелькнуло в его прежде холодных глазах.

Болотов умолк. В том, как обратился к нему Чирков, было что-то до крайности непочтительное. По форме было все вроде бы нормально, но внутреннее чувство говорило следователю, что бандит относится к нему с превосходством, с каким-то непочтительным потаенным «ты». Однако он быстро овладел собой и, как ему показалось, с сарказмом отвечал:

– Да уж, хотелось бы знать.

Чирков улыбнулся, и Болотову опять показалось, что Чирков разгадал его неумелую попытку сарказма и все меньше уважает его.

– Да что, я расскажу. Вам как, по порядку? Или то, что поинтереснее, поначалу?

Болотову захотелось вдруг нагрубить подследственному и вообще поставить его на место. «Что он себе позволяет, – кипятился он про себя, – совсем забылся. Мне плевать, что он Чирков. Подумаешь – пятнадцать человек убил. У меня тут до него пятнадцать раз по одному было – ублюдков всяких. Пятнадцатикратный ублюдок ты, вот ты кто, Чирков».

– Шуточки? – спросил он коротко, поборов ярость.

– Отчего же шуточки? Я от вас ничего не скрываю. Может быть, первый раз рассказываю. Мне же тоже интересно. Кто меня еще, кроме вас, слушать будет?

«Вот артист! – подумал Болотов, смешивая на этот раз гнев и восхищение. – Как обернул! Ну да ладно, попробуем

поддаться».

– Курите? – спросил он, вытаскивая пачку.

– Так, иногда. Вообще-то нет, здоровье берегу.

– Да теперь-то что беречь, – цинично заметил Болотов.

– И то правда. Угощаете?

– Берите, берите, – услужливо протянул Болотов пачку. Он расстегнул пиджак, этим жестом давая понять, что разговор приобретает как бы доверительный характер. Чирков, скромно потупясь, принял сигарету, а за ней и огонь из руки Болотова.

– Ну так что, с раннего или с интересного начинать?

– На ваш вкус, – нашелся Болотов.

– Да это все равно в общем-то. Раннее – оно и поинтереснее будет. Значит, первая сказочка, она, так скажем, уголовно ненаказуемая. Не противоправная, как говорится. Но аморальная. Не все же аморальное противоправно?

– А сюжет-то у вашей сказочки какой?

– Да так, без затей…

Однажды бандит Чирков слонялся без дела по улицам возле детского дома в городе Яхроме Московской области. У бандита Чиркова было довольно свободного времени и не было мысли, как его разумно потратить. Он немного покачался на качелях, то вытягивая ноги, то поджимая под себя, потом подошел к песочнице и брыкнул оставленную кем-то постройку замка с бойницами. Обозрев руины, он про-

шел мимо теремка, не замечая лужи, и двинулся в сторону стройки. На стройке было немало притягательных предметов. Например, можно было полазать по трубам или попрыгать с плиты на плиту. Иногда можно было найти что-нибудь уж совсем удивительное, например, огромный гаечный ключ или бесформенный, похожий на кристалл, кусок стекла. На стройку ходить было опасно в одиночку, поэтому Чирков взял с собой друга…

– Что за друг, сколько лет? – машинально спросил Болотов, уставший слушать без понимания.

– Мой друг, постарше меня.

– Слушайте, а нельзя ближе к делу?

– К какому делу?

– Ну, о чем вы рассказываете?

– Об убийстве, – покорно ответил Чирок.

– А… Продолжайте.

Друг неожиданно привлек внимание Чирка к большому котловану, полному воды. Подле берега что-то билось, распространяя мелкие грязные волны. Чирок склонился над жертвой водной стихии и опознал в ней животное – довольно крупное и гнусное. Это была крыса, но мокрая, со слипшейся шерстью, на две трети погруженная в непрозрачную воду, – она казалась чем-то неожиданным и непонятным в этой луже. Друг предложил Чирку потыкать в крысу случив-

шимся здесь же железным прутом, и Чирок действительно взял прут и нацелил крысе в голову. Но едва только прут оказался поблизости от утопающей, как крыса изловчилась и, зацепившись за неровную, рифленую поверхность, стала быстро карабкаться к руке Чирка. Тот с омерзением бросил железку, и она ушла под воду вместе с крысой. Через секунду, однако, утопленница показалась вновь на поверхности, отчаянно перебирая лапками.

Болотов как загипнотизированный смотрел перед собой бессмысленными глазами. На некоторое время в разговоре зависла пауза. Следователь встрепенулся и с недоумением посмотрел на бандита.

– Вы меня слушаете? – спросил Чирков.

– Да-да, – рассеянно ответил Болотов. Неясно было, к чему клонит преступник, но почему-то у Болотова не хватало духу прервать его. Казалось, что за этими ничего не значащими, почти абсурдными подробностями стояло нечто важное, приоткрывающее завесу над тайнами Чиркова.

Друг взял откуда ни пойми бутыль с маслянистой пахучей жидкостью – керосин, как объяснил он. Вместе они полили в лужу из бутыли, стараясь попасть на крысу. Та задергалась и завизжала, раскрывая розовый рот. У Чирка нашлись спички, но керосин, разлившийся пленкой по воде, не загорался. Пришлось смочить керосином клок газеты и кинуть его

в котлован, чтобы лужа полыхнула. В огне крыса дернулась два раза из последних сил, на полтуловища выпрыгивая из воды, затем нырнула, вынырнула, вновь оказавшись в огне, изогнулась и затихла. Керосин горел, и в нем обгорала морда крысы, шерсть, уши. Пахло гарью и горелым мясом.

– Стоп, – прервал Болотов, – занятный вы рассказчик, гражданин Чирков, вам не в бандиты, вам в сказочники надо идти. Эдакий Ганс Христиан! Давайте к делу. Так что убийство?

– Убийство?

– Да, да, убийство. Вы, я уж вижу, и позабыли. Вы же про убийство рассказываете. Давайте коротко. Вы пришли на стройку с другом – не крыс же губить, черт возьми…

– Нет, просто так пришли.

– И дальше?

– И все. А потом вернулись.

– Слушайте, Чирков! – Болотов начинал раздражаться. – Давайте-ка отвечайте по порядку. Когда было совершено убийство, кто стал жертвой нападения…

– Да лет тридцать назад произошло…

– Как то есть тридцать? Вам… – он заглянул в дело, – … всего тридцать шесть! Вы что, в шесть лет человека грохнули?

– Почему человека? Я же сказал – крысу.

– Какую крысу?!

Чирков с удивлением посмотрел на Болотова:

– А я вам о чем рассказывал?

Следователь тупо взглянул на Чиркова и вдруг рассмеялся:

– Ай да Чирок! Ну юморист! Нет, ну точно – Ганс Христиан! Братец Гримм! А я-то слушаю, уши накрахмалил! А мне на уши-то – лапшу!..

Болотов неожиданно пришел в веселое расположение духа. Шутка Чиркова показалась ему забавной – взять, провести матерого следователя на пустяке, на детской проделке… А ведь в то же время верно – сам ведь просил рассказывать по порядку. Состав преступления налицо – однако оно, как верно бандит определил, не противоправно, а аморально, уголовно ненаказуемо. Крысу поджег! Или утопил… Болотов вдруг почувствовал ни с того ни с сего холодок на спине.

– Молодец, Чирков, – сказал он уже серьезно, – мне вперед с тобой наука. Только давай больше меня крысами не корми.

– Да как же тут не рассказать-то было. Убийство. Первое как-никак. Любимое, можно сказать.

– А второе? Кошку задушил? Потом Жучку? А там, глядишь, бабку с дедкой?

Болотову опять стало смешно за свое потерянное даром время.

– Ну что же, на сегодня хватит.

– Я хочу встретиться со своим адвокатом, – напомнил Чирков.

– Ах да, адвокат. Согласно статье пятьдесят один Уголовно-процессуального кодекса, адвокат имеет право присутствовать при предъявлении обвинения и участвовать в допросе подозреваемого. Так что ждите, – пояснил Болотов. – Что, – подмигнул он Чиркову, – закурим напоследок?

– Да нет, я, знаете ли, здоровье все-таки приберегу.

– А, ну-ну, – дружелюбно кивнул Болотов, складывая бумаги.

Он вернулся домой в неожиданно приподнятом настроении. Жена, повязав передник, хлопотала на кухне, бряцала кастрюлями. Болотов снял пиджак, рубашку с мокрыми полукружьями в подмышках, натянул тренировочные, дырявую майку, тапки и превратился в типичного российского обывателя. Он вошел на кухню к Ангелине. Жена торопилась с обедом, зная, что опоздание может вызвать раздражение супруга. Она выставила перед Павлом тарелку, блюдце с зеленью, пару ломтей хлеба.

– Дай-ка, что ли, чарочку, – улыбнулся Болотов усами.

Жена улыбнулась на улыбку Павла и налила стопку водки.

Павел выпил, крякнул, занюхал хлебом и погрузил ложку в борщ. Профессиональная этика предписывала Болотову молчать о рабочих делах, что он обычно и делал, но сегодняшний день как-то особенно впечатлил его.

– Представляешь, сегодня допрашивал одного… убивалу… – Он с хлюпом втянул в себя борщ с ложки и откусил хлеб. – … Так он мне чего про себя сказал – с полчаса говорил, не меньше. Рассказал, как крысу убил в пять лет. А я и не соображал, про что он, думал – серьезное. Прямо гипноз какой-то.

– Да это он что, издевался над тобой? – с огорчением за мужа спросила Геля.

– Э, нет, не то… тут, мать, тоньше понимать надо. Тут, мать, психология…

Глава девятая
Копилка

Сюгин занимался со специальной группой судебно-технической экспертизы. Это было, пожалуй, самое главное. Но, сложив руки, ждать результатов Турецкий не мог.

Прочитав материалы допроса свидетелей, он решил, что придется все начать с самого начала. В безликих и однообразных показаниях не за что было даже зацепиться.

Повторный допрос важных свидетелей катастрофы и родственников погибших летчиков Турецкий решил провести с Сабашовым. Население Новогорска было небольшим, и потому такая огромная трагедия, как авиакатастрофа на стадионе во время хоккейного матча, с гибелью почти четырехсот человек, коснулась многих жителей этого городка: у кого-то погибли родственники, у кого-то знакомые, сослуживцы. Со дня трагедии прошло совсем немного времени, и для многих из новогорцев все это было еще свежей кровоточащей раной. По своему многолетнему опыту Турецкий знал, что люди лучше всего раскрываются и вспоминают что-то важное, когда они находятся в привычной обстановке. Все-таки десятилетиями воспитывавшееся чувство страха перед карательными органами заставляло людей, допрашиваемых как свидетелей в следственных кабинетах, больше думать о том,

как бы не навредить себе и выйти побыстрее из этих кабинетов, чем вспоминать детали, которые могли помочь следствию.

Помощь участковых Турецкому при опросе людей, живущих близ стадиона и аэродрома, не понадобилась, люди без боязни открывали дверь работникам оперативно-следственных органов, порой не дожидаясь даже предъявления служебного удостоверения. И все же участковые в этот день посчитали своим долгом рано утром обойти квартиры своих подопечных, чтобы они подготовились к беседе со столь важным следователем из Москвы.

Турецкий поставил перед собой первоначальную цель – выявить действительных очевидцев происшествия.

Ближе всего к аэродрому и стадиону располагались несколько старых трехэтажных домов. Турецкий предложил Сабашову допросить жильцов первых четырех домов, сам же пока занялся старушками, круглогодично не покидающими скамеечек во дворах своих домов. На удачу почти все скамеечки возле подъездов были расположены лицом к стадиону, а следовательно, одинаково наблюдательные во всех дворах России дворовые бабушки могли что-нибудь да и увидеть в небе своими подслеповатыми глазами в тот трагический вечер. А если некоторые из них еще и не очень страдали расстройством слуха, то, может быть, даже и что-нибудь услышать.

Девяносто процентов из рассказов бабушек на скамейках

состояло из «охов» и «вздохов». Бабульки были весьма впечатлены случившейся трагедией, явно выдавали виденное кем-то за свое собственное, при этом сами искренне верили в то, что так и было на самом деле. К тому же обо всем этом уже столько раз было переговорено ими за эти дни, что весь их рассказ теперь являлся результатом народного творчества дворовых бабушек Новогорска. Даже две-три из старушек, которые в момент падения самолета действительно сидели на скамейках в тот лютый морозный вечер и подняли свои трясущиеся головы вверх, не могли толком объяснить, чего же они там увидели в небе. «Поднялся в воздух, потом бахнуло, он и упал». Или же: «Вначале упал. А потом бабахнуло!»

Вот единственное, что вразумительного можно было извлечь из их рассказов. Турецкий вежливо попрощался со старушками, заверяя их в том, что они весьма помогли следствию, и, наконец, вошел в подъезд ближайшего дома.

Сабашов, весьма довольный предоставленной ему самостоятельностью, ответственно взялся за порученное дело. Встречая из Москвы Турецкого, он заподозрил, что дело с авиакатастрофой, может быть, далеко не несчастный случай. И то, что Турецкий включил его в свою группу, весьма льстило его самолюбию. Он позвонил в первую квартиру, но никто не отозвался на его звонок. И тогда он позвонил в следующую квартиру. За второй дверью тоже не подавали ни-

каких признаков жизни, и Сабашов собирался уже уходить, когда вдруг кто-то тихонечко подошел с той стороны двери и заглянул в глазок. Сабашов некоторое время ждал, что его окликнут, но было тихо. Его долго и внимательно разглядывали через стеклянный кружок – только и всего. Сабашов вежливо улыбнулся, прямо глядя в глазок, и показал свое служебное удостоверение.

– Следователь городской прокуратуры Сабашов Валентин Дмитриевич, – отрекомендовался он громким голосом.

Там за дверью явно пытались рассмотреть удостоверение Сабашова. Наконец, дверь открыли на цепочку и через небольшую щель выглянуло полное лицо пожилой женщины.

– Ничего не знаю, честное слово, – шепотом проговорила женщина.

– Я по поводу авиакатастрофы на стадионе, – попробовал завязать разговор Сабашов.

– А я это и так сразу поняла. Но честное слово, ничего не видела и не слышала. Да и не было меня в тот день в городе, – проговорила она, уже закрывая дверь. – И хорошо, что не было. А то б затаскали по прокуратурам и милициям.

В это время в другом доме Турецкому дверь открыли без разговоров и встретили вежливо и любезно. В квартире жила молодая супружеская пара. Им было лет по девятнадцать. Они поженились совсем недавно. Это Турецкий определил

сразу. Ребята не столько говорили о деле, сколько просто хотели поучаствовать. Это было большим событием в их жизни. К тому же у них на стадионе в тот день погибло четверо одноклассников. Один из погибших был хоккеистом, остальные находились среди болельщиков.

– Прямо не верится, что их нет, – возбужденно говорил парень. – Только же вот пиво с ними пил дней пять назад. Вот на этой кухне. Сидели рядом. Трепались. А теперь их нет. Даже представить не могу.

Александр молча согласился, что смерть действительно трудно представить, да еще в таком молодом возрасте, да еще когда у тебя под боком такая хорошенькая и молоденькая жена.

– А ведь я тоже должен был погибнуть, – продолжал парень. – Это Лерка меня спасла. Я с ребятами договаривался идти на стадион. А Лерка такой скандал закатила, что опять я с друзьями выходной провожу, а не с ней – всю посуду переколотила. – Он обнял свою молодую жену. – Дуреха!

Лерка при этом начала всхлипывать.

– Да купим мы посуду, не плачь, – попробовал пошутить парень. – Небось посуду жалко больше, чем меня?

Он поцеловал девушку в губы. Она не сразу, но ответила ему на поцелуй. При этом молодых людей совершенно не заботило, что рядом с ними находится посторонний человек.

«Молодожены», – с завистью подумал Турецкий. Он смотрел на их молодые и беззаботные лица и пытался вспомнить

себя в их возрасте, когда любовь, горе, радость – все сплеталось в один клубок. Когда никакое несчастье не могло надолго омрачить молодости и жизнелюбия. Пока Александр предавался столь приятным воспоминаниям, парень и девушка совсем расслабились. В какой-то момент парень, продолжая успокаивать жену, нервно взглянул на следователя. Турецкий, как опытный мужчина, моментально уловил причину этого взгляда. И сразу же решил покинуть молодую пару. Для следствия они все равно не представляли никакого интереса. Турецкий был совершенно уверен, что, как только за ним закроется дверь, эти двое не замедлят заняться любовью.

Сабашов за это время обошел уже несколько квартир, в одной из которых ему попался свидетель, который ехал в момент аварии от аэродрома к городу и потому видел, как взлетал самолет. Это был электрик, обслуживающий аэродром. Он как раз в тот вечер спешил с работы на стадион, чтобы успеть посмотреть еще второй тайм.

– Он когда начал взлетать, вроде все нормально было.

Я-то уж на аэродроме не первый год работаю, третий десяток пошел – насмотрелся на эти взлеты. Так вот, говорю, все в норме вроде было. А потом… как-то мотор задергался, рывками так пошел, как будто что-то в нем забарахлило.

Рассказывал это электрик уже не в первый раз, но все равно волновался, с трудом подбирая нужные слова.

– А взрыва никакого не было? И вообще каких-то звуков? Ничего необычного в этом плане не заметили? – уточнил Сабашов.

– Нет, вроде ничего в воздухе не взрывалось. Рев мотора, конечно, поначалу как-то неравномерно усилился. Говорю вот, рывками… Ууу-уу! – Электрик изобразил неравномерно усилившийся звук мотора. – А потом как-то тише стал… И вдруг тишина. Он как бы захлебнулся. А потом сразу же носом вниз. Несколько секунд, и готов! – Мужчина все показывал руками. – И тут, конечно, уже взрыв. Палево! Все в огне!

Сабашов аккуратненько записывал показания в протокол допроса свидетеля. Эта бухгалтерская привычка фиксировать все мелочи на бумаге досталась ему не столько от профессии следователя, сколько от отца, который пятьдесят лет проработал в бухгалтерской конторе на авиационном заводе. Он уже было собрался завершить допрос электрика, как тот вдруг сказал:

– Не знаю, может быть, мне и показалось, но от земли к двигателю пролетел дымок. Причем как-то странно: сначала поднялся вверх, а потом чуть ли не по горизонтали полетел к самолету. После этого «Антей» перестал набирать высоту и стал падать. Черный дым вверх и по горизонтали на самолет. Как тучка такая, только как будто бы тучка с четким направлением.

– Очень интересно, – сказал Сабашов, но про себя поду-

мал, что электрика явно захлестнули эмоции. Что он мог увидеть ночью? Какой такой черный дымок? Однако Валентин Дмитриевич занес и это в протокол.

По старой, пожелтевшей от времени фотографии, перевязанной черной ленточкой, на которой были изображены молодые мужчина и женщина, Турецкий понял, что в этом доме в тот злополучный вечер погибли двое. Перед фотографией стояли два граненых стакана с водкой, накрытые ломтиками хлеба. Рядом с Турецким за столом сидел старик. С трудом, шамкая беззубым ртом, он старался рассказать о случившемся. Оказывается, его-то как раз и не допрашивали. Просто он никому не открывал дверь.

– Смешно… Старуха моя всю жизнь от хоккея фанатела! – Старик, передразнивая, молодецки показал два пальца в знаке «виктория». – Вот так всю жизнь. У всех бабы как бабы, по выходным дома сидят да с детьми нянчатся. А моя, карга старая, на стадионе «Шайбу!» орет. Ладно, еще когда молодые были. А сейчас-то – срамота. Сиди, говорю, дома, не смеши народ. Не позорь детей и внуков с правнуками – у нас ведь двенадцать внуков и семь правнуков. Еле ноги ведь двигаешь. А туда же – на хоккей!

Дед вытер старческими руками увлажнившиеся глаза.

– А в тот день, – он понизил голос, сдерживая подступивший комок к горлу, – она-то идти на стадион не хотела. Это я все. Я виноват во всем. Она уже дня три как лежала. Здоро-

вье-то у нас теперь никакое. Чуть что, и лежишь несколько дней. Головокружение, слабость. Эти магнитные бури, будь им неладно. Да что бури? Небольшой ветерок уже для нас стариков как ураган. Так вот она лежала и не собиралась… А только через это все и получилось…

Дед жалобно засопел и полез в старый шкаф. Он достал оттуда фарфоровую кошку-копилку.

– Все через это и получилось, – повторил он снова и, сильно сжав в руках копилку, угрожающе потряс ею над головой. – Я-то по выходным иногда позволял себе пропустить стаканчик-другой. А старуха-то моя в этом деле строгая была. С первых дней совместного жительства меня за это дело гоняла. Бывало, и врезать могла. Рука-то у нее по молодости тяжелая была. И домой не пускала. В подъезде не раз ночевал. И в вытрезвитель сдавала. Но я тоже не лыком шит.

Он слабо погрозил женщине на траурной фотографии.

– Денег-то она мне не давала. А зарплату всегда до копеечки, значит, забирала. Или в магазин если пошлет, то все под расчет. И за каждую копейку приди и отчитайся. Все у нее под контролем было, но я выход нашел. Она все копила, все мелочь складывала. На черный день. Научена была войной. Вот в эту самую копилочку и бросала. А я-то нашел, как ножичком туда залезать можно да монетку-другую и поддеть.

Старик для наглядности и показа своей изобретательности взял ножик и проделал эту нехитрую операцию перед Турецким. Достав несколько монет из копилки, он положил их

перед Александром Борисовичем. Потом на пару секунд задумался и бросил эти монетки обратно в копилку. Взял копилку в руки, какое-то время подержал ее в руках, не зная, что с ней сделать, а потом вдруг тихо, с отчаянной безысходностью произнес:

– Через это, значит, все и получилось.

Турецкий сочувственно сжал руку старику. Тот растерянно улыбнулся. Александр Борисович нетерпеливо посмотрел на траурную фотографию. Пока старик говорил все про старуху, Турецкий все ждал, когда тот, наконец, перейдет к другому погибшему, который был запечатлен рядом с женщиной на фотографии.

– Так она с кем-то из родственников погибла? – не выдержал Турецкий, видя, что старик все никак не говорит про второго погибшего – с фотографии.

– С каким еще родственником?

– Ну не знаю, кто это у вас тут? – Турецкий показал на фотографию.

– Так это ж я! – оторопел старик. – Не признал, что ли?

Турецкий изумленно вгляделся в фотографию и действительно узнал в мужчине на фотографии сидевшего перед ним старика, но только молодого. Надо сказать, что это было не очень сложно, да еще такому следователю, как Турецкий, – с его наметанным взглядом на лица. Но Турецкий совсем не ожидал того, чтобы живой человек обвязал свою фотографию траурной ленточкой.

– Неужели не было другой фотографии? Где она одна? Или хотя бы обрезали себя от нее, – невольно вырвалось у Турецкого.

– Почему не было? Были… Ты вот говоришь, обрезать. А ты знаешь, что такое прожить вместе пятьдесят девять лет? Да войну, да голод, да семерых детей вырастить? – Он хотел еще что-то сказать, но только обреченно махнул рукой. – Это я ее угробил. И сам с ней вместе… Так что уже все у меня. Все кончилось. И жизнь вся вместе со старухой… Все!

Старик еще раз взглянул на копилку… И вдруг размахнулся и со всей силы хватил копилкой об пол. Фарфоровая кошечка разлетелась на мелкие кусочки. Большое количество монет рассыпалось по всей комнате. Дед сразу сник. Долго в растерянности стоял он посередине комнаты, беспомощно переводя взгляд с монеты на монету.

Турецкий надевал в прихожей пальто. Старик не провожал его. Казалось, что он и вовсе забыл о следователе. По крайней мере, в этот момент тот его уже не интересовал.

Турецкий выглянул из прихожей в комнату, чтобы попрощаться с дедом, и замер от неожиданности. Старик, кряхтя от своей немощи, подметал веником рассыпавшуюся мелочь. Собрав ее, наконец, всю в совок, он беспомощно огляделся по сторонам, не зная, что с ней делать. Плечи его затряслись от судорожных рыданий, он жалобно всхлипнул. Еще раз взглянул на мелочь на совке, а потом прошел мимо стоявшего в прихожей Турецкого на кухню и высыпал деньги в

находившееся там мусорное ведро.

Глава десятая
Зарплата

Леонид Аркадьевич Сосновский вот уже больше часа изучал кафельный пол Бутырской тюрьмы. Настроение у Леонида Аркадьевича было сумрачное. В этот час можно было бы пролистать несколько дел, посмотреть бюллетени Верховного Суда, просто, наконец, обдумать обстоятельства сегодняшнего дня, но мысль адвоката вязко путалась – Сосновский сидел раздраженный на себя, чувствуя нарастающую боль в висках. «Давление падает, – констатировал он про себя, – хорошо бы кофе. Кажется, успел бы». Только благая мысль о кофе посетила Леонида Аркадьевича, как подошедший контролер сообщил о готовности Чиркова к разговору.

– Думаю, что глоток кофе не существенно задержит меня, – сообщил адвокат контролеру с обидой в голосе, как будто тот был виноват за напрасное ожидание, за давление, за рябящий в глазах кафель. – Извините, гипотония.

Сосновский раскрыл термос и налил пахучего кофе в пластиковый стакан.

– А, Леонид Аркадьевич, как ваше драгоценное? – оживленно спросил кто-то.

Сосновский обернулся – по коридору тюрьмы шел следователь Болотов.

– Благодарствуйте, скверно.

– Да что такое?

– Давление одолевает. Что нынче с погодой? Это же жить нельзя. Чем так жить, так лучше вообще не жить. Какой с утра буран был!..

– Ничего, не унывайте, – оптимистически поддержал его Болотов, – увидите Чирка, он вас повеселит. Вы ведь на свидание с ним? Через пару часиков предъявим обвинение.

– Так я ведь ордер на защиту принес, – сказал адвокат, кивнув. «Что за балбес!» – подумал он тут же. Болотов всегда казался ему натурой грубой и простоватой.

Влив в себя кофе из пластикового стаканчика, Сосновский вошел в зал, расположенный на втором этаже. Голова вроде чуток отпустила, или он уже попривык к боли. Чирков…

В мыслях проворачивались привычные схемы помощи подзащитному. Очевидно, что Чиркова спасти было невозможно, но от успешного хода дела, деятельной защиты зависела не только судьба подзащитного, но и судьба защитника. Чирок был слишком заметной фигурой в преступном мире, чтобы следствие по его делу, а затем судебный процесс остались незамеченными и, что было важнее, невознагражденными. Сосновский был выбран не случайно – в нынешние времена немного найдется других таких старых, видавших виды лисов – знатоков закона и умельцев закон обойти. Сосновский с гордостью мог назвать не один десяток, казалось,

вовсе провальных процессов, которые он спас. Скажем так: многие злодеи Российской Федерации должны были бы ставить свечки святому Леониду за приумножение лет и доброе здравие адвоката Сосновского, но Сосновский не был христианином, бандиты не были религиозны, так что благодарность выражалась преимущественно в валютной форме. Услуги Сосновского были достойны оплаты. Впрочем, о грядущей оплате труда Сосновский в случае с Чирковым и не помышлял. Уже лет семь он состоял у Чиркова, если можно так выразиться, на зарплате. Получал свои солидные семь тысяч долларов в месяц и в ус не дул. Надеялся, что так и пронесет. Не пронесло – теперь вот эти денежки отрабатывать придется. Мозгами искупать, изворотливостью, кровью…

Хорошо бы не свободой. Сколько известных Сосновскому адвокатов отрабатывали свои «зарплаты» тем, что таскали в тюрьму наркотики, записки с воли и вообще делали вещи, несовместимые не только со званием защитника, но и со свободой. Свободой потом и платили.

Сосновский нашел Чиркова в состоянии понятного удручения. Серые потолки кабинета и казенная масляная краска стен подавляли сознание. Казалось, пробыв в этом помещении хоть недолго, забудешь о том, что есть и еще какой-то, более просторный мир.

Для Леонида Аркадьевича визиты в Бутырку были делом столь частым, что его настроение мало переменилось. Он

присел, испросив позволения заключенного, потому что считал, что вежливость не мешает никогда (она, в конце концов, тоже оплачивалась).

– Ну что, Аркадич, влип я? – с кажущейся развязностью спросил Чирков.

– Похоже на то, но не вешайте носа, – уныло ободрил его адвокат.

– Влип… – вздохнул Чирков. – Вот ведь, и не такое видывали, а тут на пустяке попался. Пионеры, видишь, подгадили. Ненавидел пионеров всю жизнь, с детства. Я знаешь что у себя на галстуке нарисовал?..

Леонид Аркадьевич сделал попытку изобразить на лице заинтересованность.

– Черепушку… Слушай, что-то меня в детство потянуло. Я беднягу легавого утопил в воспоминаниях. А впрочем, ладно, – перебил он себя. – Надо мне отсюда ноги делать, Аркадич, вот что я тебе скажу.

Сосновский встрепенулся:

– Как то есть? Да вы знаете, что отсюда никто не сбежал? Кроме Дзержинского. Хотя, боюсь, это просто легенда. Отсюда таракашка не сбежит.

– А ты меня с таракашками не равняй, – сухо заметил Чирков. – Тебе таракашки не платят. Ты давай головой своей ученой думай, как меня отсюда вытащить.

Сосновский приложил холодные, длинные пальцы к вискам.

– Да вы как себе это предполагаете? Тут не то что вы не сбежите, тут и я с вами вместе окажусь.

– Предполагать не мне надо, – напомнил Чирков. – Мое дело – отсюда бежать, а твое – придумать, как я это сделаю. Понятно?

Леонид Аркадьевич задумался. В висках екнуло. «Эх, черт, что ж за работа такая шакалья…» – подумал он в раздражении, привычно скрытом за безликой маской спокойствия. Сбывались наихудшие из его ожиданий. Он бы с большим удовольствием принес Чиркову полкило гашиша. Но помочь в побеге…

– Конечно, ситуация не совсем безнадежна, – протянул он наконец, – есть одна возможность… Но вы понимаете – риск велик…

Глава одиннадцатая
Атака

«Почему так близко от города строят аэродромы? – думал Сабашов, входя в подъезд. Ладно там, в Западной Европе, у них места мало, но у нас-то в России „степь да степь кругом“. Отъезжай в любую сторону и разравнивай площадку под аэродром. Так нет, сначала экономим на дорогах, а потом самолеты падают в центре города и столько людей гибнет».

Звонок квартиры не работал, и Сабашову пришлось стучать. На стук тоже никто не откликнулся. Сабашов уже собирался звонить в следующую квартиру, но услышал за дверью без звонка падение нескольких предметов и напрягся. Отборный многоэтажный мат успокоил Сабашова. И голос показался ему знакомым. Замокдолго не поддавался, поэтому в квартире опять крепко выражались. Когда дверь наконец открылась, Сабашов вдруг увидел своего соседа по лестничной клетке, слесаря Мишу. Поскольку дом Сабашова находился в другом конце города, появление Миши на пороге этой квартиры его крайне удивило.

– О, Дмитрич! – в свою очередь опешил Миша. – А тебя что, твоя баба тоже поперла?

Сабашов прикинул, стоит ли говорить с пьяным свидете-

лем.

– Заходи, – посторонился Миша. – У меня есть, – и он красноречиво щелкнул пальцем по горлу.

Сабашов вошел в обшарпанную прихожую, которая напоминала городской туалет в аварийном состоянии.

– Садись, – засуетился он на кухне. – Этим бабам, сколько ни давай, все будет мало. Твоя-то тоже из тебя веревки вьет.

Миша налил в стаканы спирт из алюминиевой канистры и стал искать, чем бы закусить.

– Ты, говорит, пьешь! – продолжал Миша. – Дура! Разбавляешь? – взглянул он на Сабашова.

Сабашов сделал отрицательный жест рукой, но Миша это понял по-своему.

– Правильно. Я тоже не разбавляю. Еды нет. Я говорю, ты пацанов пожалей, дура. Им же отец нужен. Конечно, я выпиваю, у меня работа тяжелая. Но деньги приношу. Вон людям полгода задерживают. Ну давай, помянем погибших.

– Я не могу.

– Не понял?

– Я на работе.

– Все работают. Но ты вот живой, а нашего Петьки нету.

– Я же не виноват…

– А я тебя не виню. Но ты будь человеком. Помяни друга.

– Да на работе я!

– Я тебе сейчас башку проломлю – и вся работа! – Миша схватил с пола пустую бутылку и замахнулся.

Сабашов взял стакан, выпил спирт и стал хватать ртом воздух.

– Вот так! – смягчился Миша. – Помянуть надо. Потому что никогда не знаешь…

Миша шумно выдохнул воздух, залпом выпил свой спирт и зажмурился.

– Эх, Петька! Мы же с ним за одной партой сидели. Вместе летать мечтали. И он полетел, а я комиссию не прошел.

Миша открыл глаза и уставился на стакан Сабашова.

– Все. Я ментам вообще не наливаю. Тут просто случай такой…

«Я же на работе!» – попытался собраться с мыслями Сабашов.

– Мне пацанов жалко! Что она им может дать? – засопел и стал клевать носом Миша.

– Слушай, Миша, а ты не видел, как упал самолет? – заплетающимся языком спросил Сабашов.

Миша повернулся на голос:

– Сабашов, ты меня уважешь?..

– Ты видел, как упал самолет?

– Мы… Не помню… Петька… Мы же за одной партой, – Миша заплакал.

Сабашов похлопал его по плечу и с трудом пошел «на взлет». Он вышел на площадку, прикрыл дверь и нажал кнопку звонка соседней квартиры.

– Кто там? – спросил женский голос.

– Это я, – с трудом сказал Сабашов.

Дверь открылась, и Сабашова оглядела с ног до головы женщина в махровом халате.

– Вам кого? – спросила она.

– Вас, – улыбнулся Сабашов.

Женщина, почувствовав перегар, устало поморщилась:

– Вы ошиблись. Самогон у Зоей, это в соседнем подъезде.

– Я бы хотел поговорить с вами, – Сабашов пошатнулся, но вовремя ухватился за косяк.

– Да иди ты, – и женщина резко захлопнула дверь.

«Надо бы сюда зайти потом, после, – подумал Сабашов, – но сейчас я должен прийти в себя».

Он вышел на улицу и опустился на лавочку около подъезда. «Две минуты – и вперед», – дал он себе установку.

…Ему снилось, что они летят в безоблачном небе, в котором ничего не предвещало тревоги. Турецкий снял шлемофон и пристально всматривался сквозь лобовое стекло. Сабашов покосился на радиста – Мишу – и спросил:

– Какой у нас самолет?

– «Су-37», – ответил Миша и укоризненно покачал головой.

Турецкий надел шлемофон и откинулся назад.

– Они появились. Приготовиться к атаке, – скомандовал Турецкий.

Сабашов плюнул на гашетку и бережно протер ее манжетой летной куртки.

– Атакуем сверху, – уточнил Турецкий, и «Су-37» резко пошел вверх.

Сабашов прильнул к окуляру и поймал в прицельную сетку вражеский бомбардировщик.

– Давай, Сабашов, я в тебя верю, – улыбнулся ему Турецкий.

И Сабашов хотел было оправдать доверие Турецкого. Но тут его толкнули в плечо, и он проснулся. Открыв глаза, он увидел перед собой Александра Борисовича.

– Как дела? – иронично спросил Турецкий.

– Вот на минутку присел здесь – проанализировать и подвести итоги… Могу доложить о предварительных результатах, – он суетливо полез за блокнотиком.

– Потом, – остановил его Турецкий. – Продолжайте выявление очевидцев и допрос свидетелей.

Турецкий скрылся за углом дома. «Как это я заснул? – сокрушался про себя Сабашов. – Интересно, заметил он что-нибудь или нет? Да, наверное, нет, я ведь только глаза прикрыл».

Глава двенадцатая
Трагедии

У подъезда неловко топтался участковый.

– Тут я уже всех оповестил, что вы их будете опрашивать, – почтительно улыбнулся он Турецкому. – Но только на втором этаже один типчик у нас проживает. Зайдулин Николай Юрьевич. Я вас к нему хотел проводить, а то он без меня дверь не откроет. Давайте сразу к нему? – вопросительно взглянул он на Турецкого.

– Не возражаю, – согласился Александр.

– Вы его там встряхните как следует! За ним много грехов водится, – поспешно говорил участковый, поднимаясь по лестнице чуть впереди Турецкого. – В банке работает, – участковый презрительно усмехнулся. – Новогорский новый русский.

Возможно, за Зайдулиным и водятся грехи, подумал Турецкий, но то, что в оценке участкового угадывалась зависть и личная неприязнь, – факт. Турецкий снисходительно улыбнулся: в наших людях эта черта еще не скоро искоренится, когда при виде благополучия другого человека хочется не то чтобы у тебя было лучше, а чтобы хуже было у него.

Турецкий с интересом оглядел резную входную дверь с барельефом по периметру, в котором отчетливо угадывались

фигурки обнаженных женщин. Двери, как выяснилось чуть позже, оказались двойными. Турецкий всегда посмеивался над этой мерой предосторожности, которая для людей, тщательно заботящихся о собственной безопасности, порой оборачивалась настоящей трагедией. Ведь «домушники» или другие желающие попасть в такую квартиру без согласия хозяина делали обычно так: открывали своими отмычками первую дверь и, оставив ее прикрытой, звонили хозяину. Для того чтобы посмотреть в глазок первой двери, тот вынужден был отпирать внутреннюю. Только этого и дожидались незваные гости.

Пока Турецкий размышлял на эту тему, произошло сразу несколько небольших, но довольно интересных событий. Участковый позвонил в резную дверь, которую быстро и нервно стали открывать – замков оказалось четыре. Участковый в это время успел крикнуть Зайдулину, что его желает опросить следователь из Москвы. И тут же из квартиры показался молодой человек лет тридцати, который без слов схватил участкового за шиворот и попытался спустить с лестницы. И только вмешательство Турецкого помешало ему.

– Я вам говорил, что с этим мерзавцем будут проблемы, – крикнул с нижнего лестничного пролета участковый. – Надеюсь, справитесь теперь без меня?

– Постараюсь, – усмехнулся Турецкий и вошел в квартиру.

– Тесть мой бывший, – злобно кивнул Зайдулин в сторо-

ну участкового. – Я восемь лет уже с Танькой в разводе. Это дочка его. А он все не уймется. Засажу, говорит, тебя, потому что жизнь моей дочери испоганил. Вынюхивает, все в дела мои лезет. А чем я ей жизнь испоганил? Она уж во второй раз замуж вышла, и все у нее по высшему разряду.

Парень был выпивши и заметно нервничал. Когда Александр Борисович задал ему вопрос об авиакатастрофе, Зайдулин взвился как ужаленный:

– Да мне этот ваш взрыв всю жизнь поломал! Лучше бы я сам сгорел на этом стадионе!

Турецкий решил, что на стадионе погиб кто-то из близких парня, сделал соответственно скорбное лицо. Впрочем, скоро ему уже трудно было сдержать смех.

Зайдулин выпил стакан джина. Он прикладывался к нему в течение всего разговора и всякий раз предлагал Турецкому. Александр Борисович отказывался.

В день катастрофы Зайдулин оказался в своей квартире с женой начальника. Она жила с мужем в соседнем подъезде. Муж следил за ней во все глаза. Знал, что для «ветвистых» украшений на его голове ей много времени не нужно. Начальника своего Зайдулин безумно боялся. И ничего такого в отношении его жены и не помышлял, хотя она уже давно откровенно кадрила его. Муж ее стал поглядывать на Зайдулина подозрительно. И как-то намекнул, что открутит Зайдулину все, что ниже пояса, если чего…

Зайдулин с восхищением и сладостным остервенени-

ем охарактеризовал жену начальника как редчайшую суку. Причем в понятие «сука» он вкладывал те женские качества, которые заводят мужчин всех возрастов и сословий.

– В общем, вырвалась она в тот вечер от мужа и ко мне… Вся такая распаленная… в общем, я не удержался… Да и кто б на моем месте?.. Настоящая сука!

Турецкий согласно кивнул, пока еще не понимая всей «трагедии».

– Мы, в общем, уже легли, все быстро. Она меня вмиг завела. Стерва, сука! – с нервным восхищением сквозь зубы процедил парень. – Все во мне бурлит, желание через край… Жуткая дрожь меня колотит. А вдруг начальник нас застукает. В общем, я весь на иголках… Доходим уже до точки, и тут, блин, ба-бах! – Он грубым жестом махнул рукой возле ширинки. – И все!

Зайдулин замолчал. Турецкий понял, что сейчас прыснет со смеху.

– И ты прикинь, у меня все в полном ауте, а этой суке хоть бы что! Ей, видите ли, еще кончить нужно!

Турецкий сочувственно кивнул, изо всех сил сжимая расползающиеся в улыбке губы.

– Как жить теперь? – продолжал парень. – Ведь у меня же, кроме баб, ничего не было! Ведь ничего же! Деньги, думаете, еще? Так я вам скажу: это поначалу, когда денег нет, они вроде что-то значат для тебя, а когда их уже имеешь, становятся как мусор.

«Не отказался бы дожить до такой жизни, когда деньги становятся мусором», – подумал Турецкий.

– Опять напьюсь, – сокрушался несчастный банкир. – И знаю, что не надо! Завтра еще ведь хуже будет. Ведь знаю, что хуже, а все равно напьюсь.

Он вызывающе глянул на Турецкого:

– Ты ж меня, мент, поймешь. Ты ж, я вижу, не только мент, ты ж еще и мужик.

– Хороший мент, – сказал Турецкий, – всегда мужик.

Вдова первого бортмеханика молча пригласила Сабашова в комнату. Тут же появился пятилетний мальчик с самолетиком в руке и спросил у незнакомого дяди:

– А где мой папа?

– Не знаю, – не сразу ответил Сабашов.

– Папа скоро прилетит, иди играй, – проводила мать сына в другую комнату.

Вопросы Сабашова касались последних дней жизни второго бортмеханика, его настроения перед вылетом, вещей, которые он взял в полет. Вспоминать все это женщине было крайне больно. Потом в какой-то момент женщина встала из-за стола, чтобы показать Сабашову вещи мужа, и тут он заметил, что она беременна. Сабашов сцепил зубы. Снова вернулся пятилетний мальчик и пристально посмотрел на Сабашова.

– Ты летчик? – спросил он серьезно.

– Нет, – признался Сабашов.

– А папа летчик.

Сабашов жалко улыбнулся.

– А ты смелый? – продолжал допрос мальчик.

– Не знаю.

– А папа смелый.

Сабашов ждал, когда мать снова отправит ребенка играть в комнату, но она молча смотрела на следователя и ждала.

– Как вы думаете, пособия на детей будут задерживать? – спросила она, наконец.

– Я выясню. Я позвоню, – засуетился Сабашов и встал из-за стола.

Он ушел из этого дома, забыв попрощаться. «А ты смелый?» – крутился в его голове вопрос мальчика.

Глава тринадцатая
«Психология преступления»

Эту ночь Павел Болотов почти не спал. Ложась, он было решил почитать книжицу – научное издание карманного формата – «Психология преступления». Мысль о том, что завтра снова допрос Чирка, наполняла его сладким трепетом. Фантазия рисовала перед самовосхищенным взором Болотова картину завтрашней встречи. Несомненно, что в этот раз Чиркову не удастся его провести. Может быть, Болотов и позволит ему несколько лирических отступлений, но попасться, как тогда – с крысой… Болотов усмехнулся.

– Свет погаси, спать мешает, – попросила Ангелина.

– Подожди, сейчас, сейчас…

Павел взял майку со стула и накинул на абажур торшера, чтобы приглушить свет.

Не читалось. Павел скользил по одной и той же фразе несколько раз, прочитывал целые абзацы не в силах сосредоточиться, но авторская мысль ускользала. К тому же автор – иностранец – писал уж слишком пространно, витиевато – Болотову все казалось, что мало конкретики, словно можно было ждать от книги слов: «Павел, завтра, как только увидишь Чирка, тут ты сразу же…» Но книге были безразличны проблемы следователя Болотова. Павел глубоко вздохнул и

выключил свет.

Он лег на правый бок, положил могучую руку поверх Ангелины и приготовился спать. Однако сон не шел. Вместо стремительного бегства сознания в царство снов перед духовным взором Болотова возник Чирков с его ухмылочкой, с его бесцветным голосом.

– Тьфу ты, черт, – пробормотал Болотов. Он еще полежал не двигаясь, стараясь отвлечься мыслями от завтрашнего дня, но сердце его упрямо колотилось: «Чир-ков, Чирков…»

Болотов перевернулся налево, но сна от этого не прибавилось. Сознание его зависло между сном и явью не бодрствуя и не грезя. Всю ночь Павлу казалось, что он и не спит вовсе, но когда Ангелина поутру попыталась его добудиться, это далось ей с трудом. Павел встал совершенно разбитым, ел без аппетита и по пути в Бутырку едва не заснул стоя в метро. Настроение было скверное, и он посетовал внутренне на себя – в самый раз было бы сейчас оказаться ясным, трезвым, остроумным, чтобы с блеском поставить бандита на место. Вместо этого – зевающий, с глазами, заплывшими, как у китайца.

В узеньком кабинете Болотов достал из портфеля бумагу и нарисовал на ней треугольник. «Психология» – написал он на одной стороне треугольника, «мораль» – на другой и «факты» – на третьей. Это была та схема, которую он запомнил из вчерашней книги. Необходимо было выяснить,

что определило характер преступлений Чиркова – маниакальный склад личности, стремление к убийству («психология») или четкая убежденность в оправданности, правильности своих действий («мораль»). Все это совокупно объясняло бы цепь преступлений Чиркова («факты»).

Бандита ввели в кабинет. Павлу хотелось поприветствовать Чиркова снисходительно и светски. В памяти оставалась их последняя встреча, после которой они расстались едва ли не на задушевной ноте. Но Чирков досадно не смотрел в глаза Болотову, поздоровался угрюмо, как-то сонно и сел на привинченный к полу стул определенно без прежнего энтузиазма.

– Ну что, – тем не менее с игривой интонацией начал Болотов, – как вам здесь?

– А вам-то что? – спросил бандит грубо.

Болотов почувствовал себя обиженно, словно оттолкнули его протянутую руку, и тотчас озлобился. Бессонная ночь делала его раздражительным.

– Ладно, приступим, – сухо сказал Болотов. – Сегодня мне необходимо выяснить некоторые конкретные факты вашей жизни. Простите, преступной жизни. Ваше детство не представляет для меня интереса, все справки были наведены в Яхроме, в детском доме. Про отрочество – в интернате. Поэтому вы можете не рассказывать следующее…

Павел улыбнулся. Все-таки дело Чиркова увлекало его, как роман. После рассказа о крысе он выяснил, что Чирков в

яхромском интернате был на более или менее хорошем счету. Вместе со всеми, конечно, он воровал велосипеды, которые легкомысленные жители выставляли на лестничную площадку, в подвале даже была устроена маленькая мастерская, которая приделывала «Аисту» колеса от «Камы», к синей раме – красный руль, плодя неузнаваемые гибриды из наворованных велосипедов. Попался Чирков, когда «брал кассу» в трамвае, проникнув в салон, пользуясь худобой и наполнив носки трехкопеечными монетами. Но трамваи и велосипеды был местный промысел, которым жил весь интернат, эти мелкие мошеннические проделки не говорили ничего о будущем преступном характере Чирка. В общем-то, с горечью констатировал Болотов, из всех интернатовских толку не получалось. Сколько брошенных детей прошло мимо Павла на скамью подсудимых, и всякого этот суровый, грубоватый мужчина тайно оплакивал – Павел любил детей и сам числил себя недоласканным ребенком. Поэтому рассказы об отроческих проделках Чирка не указали ему на заведомую преступность натуры последнего. Наоборот, Павлу даже как-то жаль стало этого душегуба. Думая о детстве сироты, он болел душой и, чтобы вернуть себе необходимую холодность, заставлял себя вспоминать, что перед ним уже далеко не мальчик, а озверевший человекоубийца.

В личном деле Чиркова, оставшемся в архиве детдома, в записях психоневролога при медицинском осмотре отмечалось, что мальчик замкнут, не контактен, но при этом хоро-

шо реагирует на шутку и ласку. Никакой патологии в поведении ребенка врач не отмечал.

«Без патологии» – и при этом череда кровавых убийств…

Чирков слушал Болотова с интересом. Казалось, он был несколько удивлен, что Болотов так дотошно изучил его биографию. На этот раз Павлу удалось достичь некоторого эффекта – Чирков был смущен и встревожен. Павел стал играть в его игру, в исследование жизненного пути от аз до ижицы, и переиграл самого заводилу.

– Про мотоцикл они еще ничего не знают, – набычившись, сказал Чирок, – мы еще мотоцикл скрали, в туалете чинили. А тут менты – пришлось в окно выкинуть.

– Про мотоцикл мне не было известно, но я вам благодарен, мы внесем это в протокол.

– Издеваетесь? – спросил Чирков, ухмыльнувшись.

– Вовсе нет. Следую за вами. Я принял ваши правила, просто мне захотелось сократить процесс. Так что же дальше, после того как вы покинули интернат?

После того как образовательная система РСФСР с наслаждением выпихнула Чиркова в большую жизнь, появились новые заботы. Конечно, государство позаботилось о молодом человеке. Ему была дана жилплощадь – однокомнатная квартира в хрущевской пятиэтажке без телефона, подъемные деньги – сто двадцать рублей и работа – место сборщика на вентиляционном заводе. Сто двадцать рублей разлетелись в три дня. Для начала Чирок приобрел хрустальные

рюмки – полдюжины. Это была покупка, сделанная как во сне – хрустальные рюмки были ему ни к чему, но, что называется – деньги ляжку жгли. На оставшееся были приобретены белые булки с маком, мороженое, вобла, жвачка, сгущенка, отрывной календарь с кулинарными рецептами и прочая дребедень. Это были три дня райского блаженства. На их исходе оставалось совсем немного денег, зачерствелые булки, уже не радовавшие вкус, и неопределенные раздумья – что же делать дальше?

Долго оставаться наедине Чирков не умел, ему необходимо было посоветоваться с другом.

– С каким другом? – спросил Болотов. – Все с тем же?

– Это неважно, – отвечал Чирков.

И у друга родился супергениальный план. Невдалеке от дома Чирка располагался магазинчик, отделенный от жилых домов пустырем. Очевидно, если покуситься на государственное достояние, сосредоточенное в этом магазинчике, из соседних домов не будет слышно ни шума, ни звона битого стекла, – как ни раскидывали друзья умом, им не приходило в голову ничего более остроумного, чем разбить витрину камнем. Оставалась опасность встречи со случайными прохожими. Вряд ли кто-то станет связываться с отчаянными парнями – скорее можно было предполагать, что запоздалый обыватель побежит к таксофонной будке и трясущимся пальцем наберет «02».

На следующий вечер, подкрепившись сухарями и остат-

ками сгущенки, заговорщики вышли на улицу с длинными ножиками и сумкой. В сумку были собраны трубки от таксофонных аппаратов в ближайших кварталах. Во-первых, этим простейшим образом достигалась полная информационная блокада милиции. Чирков счастливо улыбался, представляя, как какой-нибудь аккуратный старичок, выгуливающий на ночь пуделя, спешит к таксофону и с горестью обнаруживает оборванный провод. К тому же, как объяснил друг, телефонные трубки тоже сгодятся. В подпольной мастерской в интернате друзья научились ладить с техникой.

На следующий же день было совершено преступление. В витрину был направлен силикатный кирпич, в образовавшийся проем нырнули два сухощавых юных силуэта и тотчас вынырнули, сгибаясь под тяжестью мешков. Денег в кассе – на что очень рассчитывали грабители – не оказалось. Пришлось быстро схватить, что было под рукой, и тотчас скрыться. В одном мешке оказалась сырокопченая колбаса, что привело друзей в восторг, в другом – не сортовой, ломаный шоколад – осколки толстых фабричных плиток. Наступил праздник чревообъедения, который, как и большинство праздников, закончился разочарованием и горькими сокрушениями. У Чиркова к вечеру поднялась температура, выступили розовые пятна по всему телу, начался бред. Друг не отходил от его постели – юному бандиту мерещились глыбы шоколада и милицейские собаки.

Когда Чирок пришел в себя, колбаса покрылась плесенью

– ее можно было помыть и употребить в дело, но видеть ее бедняга был уже не в состоянии. Зато на шоколаде ребята нажились. С прежними товарищами по интернату, с новыми знакомыми из двора они затевали пари – за сто шагов предлагалось съесть плитку шоколада. Не получалось ни у кого. Таким образом шоколад превратился в деньги, а деньги опять в неразумные покупки.

– Забавно, – констатировал Болотов, – ну а теперь давайте серьезно…

– Да уж куда серьезнее? – удивился Чирков. – Я вам признаюсь чистосердечно в совершении ограбления, а вы говорите, что это несерьезно. Это же подсудное дело.

– Ну да, да, конечно, – отмахнулся Болотов, думая продолжить разговор.

– Нет, подождите, гражданин начальник, я сознаюсь в преступлении и желаю, чтобы делу был дан ход. Такого-то числа, в таком-то месте, – Чирков быстро назвал точную дату и место ограбления магазина, – мной было совершено ограбление, и я требую, чтобы обстоятельства преступления были расследованы в соответствии с действующим законодательством, и готов понести за свою вину заслуженное наказание.

Болотов опешил. Опять преступник подловил его, как мальчика. Показания Чиркова должны быть внесены в протокол, и действительно, если следовать букве закона, необходимо было расследовать эпизод хищения госимущества из указанного магазина.

– Ну что же, – сказал Павел, сатанея, – я разберусь, если ваше раскаяние настолько искренне… – он криво улыбнулся.

«Сволочь, стервец», – хотелось крикнуть Болотову, даже вот взять и как дать…

Чиркова увели на обед, Павел, обиженный, как ребенок, вышел в коридор. К нему спешил адвокат Сосновский.

– Добрый день, – сказал Болотов рассеянно. – Что ж вы опаздываете? Вы же хотели присутствовать на допросе.

– Добрый день, – отозвался Сосновский. – Конечно, хотел, задержался в суде.

Павел прошел еще несколько шагов, затем развернулся.

– Чирков ваш у меня вот где сидит, – он похлопал себя по мощной шее.

Адвокат пожал плечами и сочувственно произнес:

– Знаете ли, я тоже не испытываю удовольствия… Но что делать – Фемиде служим!

Глава четырнадцатая «ВИНОВАТЫЕ»

– Вы накануне аварии отмечали день рождения сына?

– Да.

– Выпивали?

– Да.

– А утром следующего дня пошли на работу.

– Что же тут плохого?

Перед Сабашовым сидел старший механик Хромов, который обслуживал разбившийся самолет перед вылетом.

– И как себя чувствовали на следующий день? Голова не болела?

– Нет.

– Говорят, на дне рождения вы крепко перебрали.

– Может, и перебрал, но я рано лег спать. Спросите у жены, у гостей…

– Спросим.

– Вам надо побыстрее найти виноватого…

– Это только расследование.

– Знаю я ваше расследование! Вам главное человека засадить, а потом отчитаться. А я был трезвый! У меня есть свидетели! И голова у меня не болела!

После Хромова Сабашов стал допрашивать рядовых механиков. Первым был Славин, который заметно нервничал.

– Вы знаете, что Хромов накануне отмечал день рождения сына?

– Да.

– В каком состоянии он пришел на работу?

– В нормальном.

– Что значит в нормальном?

– Как всегда. Разве что пришел позднее…

– То есть опоздал?

– Не опоздал. Но обычно он приходит на работу за пятнадцать – двадцать минут. А в тот день пришел за четыре минуты.

– Вы так точны?

– Я посмотрел на часы, когда он явился.

Следующим был Стояновский.

– Вы единственный из механиков, кто не был у Хромова на дне рождения его сына.

Стояновский согласно кивнул головой.

– Почему вас не пригласили?

– Я бы все равно не пошел! Я непьющий.

– В тот день вы не заметили что-нибудь необычное в поведении Хромова?

– Мне показалось, он нервничал, заставлял перепроверять шасси, шарнирные узлы.

– Он не говорил почему?

– Это как-то не принято. Если старший говорит проверить – значит, у него есть основания.

– За какой отсек отвечали лично вы?

– Правый двигатель, ближний к фюзеляжу.

– Почему вылет самолета был задержан на десять минут?

– Я не знаю. Мы закончили вовремя.

Сабашов сделал очередную запись, и следующий вопрос был неожиданным для него самого:

– Вся бригада механиков нервничает в отличие от вас. Что так?

– Если кто-то сверху уже решил сделать из нас козлов отпущения, то нам все равно не выкрутиться…

Глава пятнадцатая
Просто рабочий

Заводской пейзаж напомнил Турецкому известную картину «Последний день Помпеи». Когда-то в детстве, рассматривая яркую репродукцию полотна Брюллова, он с ужасом воображал завтрашнее утро для тех, кто останется в живых. Похоже, судьба подарила Александру возможность воплотить наяву его детские страхи. Вся прилегающая к авиационному заводу территория была усыпана густым слоем пепла. На обозримую глазу даль расплылось сплошное черное пятно окружающего пространства – черные снежные шапки деревьев, черные окна, черные, шустрые, как крысы, коты сновали под ногами, и даже лица людей казались обгоревшими до черноты.

Несмотря на разгар рабочего дня, у проходной собралась громадная галдящая толпа. Люди неуверенно топтались на месте, ботинками и валенками взрыхляя пепел, отчего через несколько минут зола уже скрежетала на зубах Турецкого, окутывая язык и нёбо. Маленький мужичонка в грязноватой искусственно-пыжиковой шапке сплевывал черную слюну, яростно затирая ее ногой в землю.

– Это че ж получается! Я пашу, пашу, а бабу свою прокормить не могу. Че же они там себе думают… – Кривым

грязным пальцем мужичонка указал куда-то на небо.

– А ничего не думают. Будут они тебе думать, как твою бабу содержать. Тут скоро детишки с голоду передохнут. А он – бабу, бабу… – Свирепый детина от злости носком кирзового сапога колотил по земле, как норовистый конь.

– Твоя баба, Силыч, еще лет пять на собственном жире просуществует – не боись! – хохотал в толпе парней молодой хлопец в кепке.

Толпа прибывала, проявляя все большее нетерпение:

– Директора давай. Хватит ему прятаться от народа.

– Деньги наши кто зажилил?

Детина вырыл вокруг себя уже настоящую яму:

– Он все посредниками прикрывается. А мне какого… это знать. Я работяга.

– Пусть Лебедев придет. С ним будем разговаривать, – кричали где-то позади Турецкого.

Александр был несколько озадачен картиной, которую никак не ожидал застать у проходной. Авиационный в Новогорске, по всем сведениям, к кризисным предприятиям не принадлежал – всегда тянул помаленьку лямку, свою работу не останавливал и в более худшие времена, а теперь и вовсе продукция завода весьма успешно выходила на международный рынок. Развивающиеся страны охотно заключали сделки, скупая недорогие по мировым масштабам, но надежные самолеты. Вылетая на место катастрофы, Турецкий по своим каналам на всякий случай навел справки и о личности

директора самолетостроительного – Лебедева Алексея Сергеевича – ничего, ни малейшей компрометирующей его тени – даже в Москву прилетал редко, все больше выманивал к себе в Новогорск высокое начальство. Дескать, чего заводские деньги тратить, вам нужно – вы и прилетайте, встретим честь по чести. Тем более забастовка на заводе показалась Турецкому странной и неожиданной, особенно если учесть погибший самолет, трагедию, которую переживал город, и взбудораженность населения последними событиями. Он внимательно пробегал взглядом по толпе, однородной в своей основной массе, – все те же землистые простые лица, несуетливые движения рабочего человека, огоньки дешевых папирос – ничего бросающегося в глаза, никаких подозрительно шмыгающих субъектов. Забастовка производила впечатление органичной акции протеста, никем не спровоцированной.

У памятника Ленину, где Ильич доверчиво протягивал руку в сторону проходной, указывая, по-видимому, труженику дорогу к рабочему месту – чтобы, не дай бог, кто не заблудился, – собралось некое подобие импровизированного митинга. На постамент выходили профсоюзные лидеры, чтобы сказать дежурные слова о тяжелом положении рабочих на заводе. Все эти горячие выплески давно были до боли знакомы Турецкому по газетным статьям, информационным программам и интереса не представляли.

– Вы все понимаете, какое значение для нашего города

имеет завод, – разорялся очередной выступающий. – Если нам не платят зарплату, если нет денег для социальной поддержки, значит, большей части населения Новогорска просто нечего есть, значит, дети не могут получать нормальное образование, значит, наши пенсионеры голодают. До каких пор мы будем терпеть такое унижение! И дело не в руководстве завода. В конце концов, контракты с заказчиками заключаются, оплачиваются вовремя. Куда же идут деньги, где они оседают, в каких карманах? Виновата сама система. А ее ни директор, ни бухгалтер поправить не в силах. Наш профсоюз ставит на повестку дня вопрос об отставке Президента. Долой коррумпированное правительство!

Из толпы раздались жидкие крики поддержки. По всему было видно, что аппетиты заводчан так далеко не распространялись, а все, чего они хотели, – выговориться какому-нибудь начальничку поближе, поплакаться в жилетку собственному князьку. Толпа явно ожидала Лебедева. Турецкий тоже решил: «раз пошла такая пьянка» – познакомиться с директором в неформальной обстановке, поглядеть, что он за птица, заодно станет понятным, на какую приманку эту уточку можно ловить.

Новенькая «девятка» лихо припарковалась почти к самому турникету проходной. Из нее вывалилась пара бритых самцов, как две капли воды похожих друг на друга. «Близнецов они, что ли, набирают в охранники, – отметил Турецкий, по привычке вглядываясь в лица. – Таких однояйцевых вряд

ли с одного раза запомнишь». Следом за своими ребятами из машины выкарабкался и хозяин – вальяжный, солидный мужчина в непривычном для этих мест кашемировом тонком пальто, крупных очках и очень привычной для Сибири, но совершенно неуместной в данном гардеробе ондатровой шапке. Он долго здоровался с кем-то, жал руки, приветствовал.

– Все понимаю, – без лишних слов обратился Лебедев к аудитории. – Все, дорогие наши господа-товарищи, понимаю! Но вы же видите, ничего в данный момент сделать не могу. На заводе несчастье. Последние два месяца мы работали на перспективу, но нелепый случай в один миг сжег наши денежки. Да что там денежки… – Директор махнул кулаком, в котором была зажата шапка, и замолчал, словно сдерживая слезы.

– Ты давай погибшими не прикрывайся! – жестоко припер оратора кто-то из толпы.

Тут Лебедев взвился во всю свою «птичью» мощь:

– Как вам не стыдно! Ну-ка выходи сюда, кто такой смелый?!

Паузу директор держал, как большой актер. Никто, однако, на трибуну не вышел. В толпе бастующих чувствовались разброд и шатания, в то время как Лебедев «взлетал» все выше и выше. «Умеет владеть массами», – не без иронии заметил Турецкий, наблюдая за нехитрыми психологическими манипуляциями директора. «Народ-то и впрямь вполне сма-

хивает на стадо баранов. Даже толком объяснить, чего хотят, не могут». Между тем директор распалялся:

– Чего я хочу? Достатка? Он у меня есть. Власти? У меня ее побольше, чем у некоторых столичных руководителей. А потому единственное мое желание на сегодняшний день – доброе имя и процветание завода. Да разве вы не знаете? Разве нужно мне вам рассказывать? Разве не вместе мы вот уже многие годы держим завод, спасаем его. Силыч, – обратился Лебедев к мужичку в пыжиковой шапке, – чего ты молчишь? Мы с тобой вместе на завод пришли, пацанами, после войны, когда батьки на фронте погибли. Разве не так?

– Ну, – мужичок поскреб пятерней затылок.

– Что – ну? А теперь мы вроде по разные стороны баррикад? Так?

– Ну так. – Силыч на всякий случай нахлобучил поглубже пыжиковую шапку и тихонько отступил подальше в толпу. – Что я? Силычу вечно за всех отдуваться.

– Я вам скажу, господа-товарищи, так, – Лебедев пошел в последний решающий бой. – Никаких баррикад нет, никакого разделения между нами нет. Все это происки врагов. У нас сегодня с вами беда общая и задача общая. Вы же прекрасно знали – продадим самолеты, будет у нас кусок хлеба – и у вас, и у меня, заметьте. Контракт мы заключили выгодный, денежный. Ну кто же знал, что случится такая страшная история. Как говорится, человек полагает, а Бог располагает. Тем более в такие трагические минуты мы просто обя-

заны держаться вместе, помочь друг другу, понять. Мне сегодня не легче, чем вам. Поверьте. – Директор решительно ударил смятой шапкой о ладонь, словно давая понять, что разговор закончен. В этот момент в кармане пальто у оратора мелодично затренькал сотовый телефон. Этот звонок заставил директора недовольно поморщиться. Впечатление от народного радетеля оказалось несколько смазано.

– Пра-ильно говорит. Чего народ сдернули с работы? – завизжал бабий высокий голос.

«А ведь увидишь эту особу, удивишься – отчего Создатель вложил в такое мощное тело столь жидкий голосок», – Турецкий внимательно вглядывался в толпу.

– Работа – не волк… – потешался высокий парень, обнимая чернявую девицу в фиолетовом пуховике. – А вот ты, Людка, точно, хищник – из меня настоящего зайца сделала. – Девица громко хохотала.

– Вот так всегда, соберемся, покричим, нервы проверим – у кого крепче, а чего ради… – недовольно бурчал детина себе под нос.

Профсоюзный лидер засеменил вслед за ищейками Лебедева, стараясь забежать вперед и пробиться к «телу» директора, но его грубо и даже с некоторым наслаждением отпихивали бритоголовые ребята, честно зарабатывая свой хлеб. Толпа растерянно переминалась с ноги на ногу, попыхивая дешевыми папиросами и переругиваясь. «Пожалуй, мне стоит повторить подвиг профсоюзного босса, – заторопился Ту-

рецкий. – Тут уже все разоружены».

На завод его пропустили без проблем. Тетка с высоким белоснежным начесом на голове пронзила Турецкого взглядом с головы до ног и снисходительно выдала пропуск. Однако в административное здание наш герой не спешил. Он неторопливо, как ленивый турист, обходил стальные коробки заводских ангаров. Жизнь в них замерла, и Турецкому казалось, что он действительно присутствует на какой-то странной экскурсии. Над длинной лентой конвейера сборочного цеха, прямо под потолком, висело, изогнувшись галочкой, крыло самолета. «А если навернется?» – подумал Турецкий.

– Ни в коем случае. – За спиной Александра вырос востроглазый, лысоватый мужчина. – Это модель, картонная.

«Дожился, стал уже выражать свои мысли вслух».

– У вас такое лицо было! Вы же подумали, что это крыло настоящее. Ан нет, муляж.

«Он что, заводской экстрасенс?»

– А вы, вероятно, дело о катастрофе расследуете? Иван Иванович – просто рабочий. Знаете, «Просто Мария», так и я – рабочий. – Востроглазый протянул руку Турецкому.

Только теперь Александр заметил, что «просто рабочий» был с утра серьезно навеселе, но обижать аборигена не стал и ладонь знакомца пожал серьезно.

– Ты, я вижу, парень не промах. Точно угадал, интересуюсь вашим заводом не из спортивного любопытства.

– Значит, я тебе, друг мой ситный, и нужен. Буду свиде-

телем.

– Чего?

– Как – чего? Преступления.

– А что, было преступление?

– А то ты не знаешь. Чего же тогда сюда приехал? Я, друг мой ситный, способности имею – в душу заглядывать и еще на курсах астрологии два месяца занимался, в школе у Путыкина Клавдия Макаровича. Не имели чести знать?

– Нет, астролога Лебедева не знаю. Глобу знаю.

– Да не Лебедев, а Путыкин. Дельный мужик. Ну, к делу, к делу. Хочу взять заказ на составление астральной карты – вашей личной или места, где произошла катастрофа. Могу сразу и то и другое. По желанию клиента.

Турецкий понял, что от местного мистика отвязаться ему удастся не скоро:

– Валяй, пройдись по личной судьбе.

– Преотличнейше! Преотличнейше! Я так и знал, что вы согласитесь. – Востроглазый немедленно воспылал к Александру самым проникновенным уважением. – Интеллигентного человека видно глазом без телескопа. Только маленький нюансик, ма-алюсенький, – мужичок сложил два пальца – указательный и большой – в маленькую щелку, – авансик хотелось бы получить.

Турецкий вынул из кармана брюк смятую десятку, желая побыстрее закончить с астрологическим прогнозом:

– Хватит?

Мужичонка вежливо, все теми же двумя пальцами, взял деньги:

– Пойдет. А сейчас хочу тебе кое-что показать. Так сказать, на след навести. Хотя, заметь, делаю это совершенно бескорыстно.

Востроглазый буквально за руку вытащил Турецкого из цеха на улицу:

– Тут ничего интересного нет. Собирают и собирают самолеты, наш друг ситный, просто Иван Ивановичи… А это механический, – небрежно махнул рукой мужичонка на бетонные квадратики очередного цеха, увлекая Александра, который ловко уворачивался от винного амбре, источаемого спутником. – Сегодня практически пришел в разорение, а потому тебе совершенно неинтересен. В нем ничего, кроме тазов, ведер да ключей, уже не делают. Вот я тебе кое-что поинтереснее покажу.

На завод постепенно возвращались бастующие. Люди еще были возбуждены, шли группками, бурно обсуждали происходящее, но запал протеста, чувствовалось, спал, и, вероятно, гигантскому маховику самолетостроительного завода, крупнейшего в стране, вскоре снова предстояло раскрутиться на полную катушку, зализывая рану и забывая крупнейшую авиационную катастрофу. «Трагедии слишком быстро уходят в прошлое, наверное, чтобы повторяться. Приспособляемость у них такая – затаиться, чтобы все кануло, а потом – неожиданно всплыть». – Несмотря на грустные фило-

софские мысли, Турецкого не покидала способность к колкой самоиронии. «Красиво мы, наверное, смотримся – местный астролог-экстрасенс и „важняк“ Генпрокуратуры России, Тарапунька и Штепсель. Конечно, можно и отвязаться от „Иван Ивановича“, но иногда… и „устами алкоголика глаголет истина“, чем черт не шутит».

Правда, пока, помимо непроверенных подозрений Меркулова да собственной интуиции, Турецкий ничего не мог взять даже за основу своей работы. Комиссии приступили к расследованию катастрофы, местная прокуратура возбудила уголовное дело по факту гибели людей, военные там что-то копаются, но виновные, вполне возможно, давно уже на том свете и им остается уповать отнюдь не на людской суд. Так что Турецкий пока и сам не знал, что может его интересовать, кроме документации, на заводе, который и к аварии-то был причастен лишь своим «несчастным» товаром. Зато «Иван Иванович», как настоящий выходец из народа, знает все и ни в чем не сомневается.

– Это все муляжи, картонки, – таинственно шептал Турецкому на ухо востроглазый, сделав наличие такого органа чувств, как обоняние, сущим мучением для Александра. – Конечно, друг мой ситный, все здесь по уму, но тебе сюда не надо. Звезды не располагают. Клавдий Макарович покойный меня научил – когда Сатурн в силе, смертность возрастает. Вот я тебя в маленький, ма-алюсенький домик отведу, вот куда звезды показывают.

– Добрый день, Александр Борисович, – Турецкому протягивал руку щуплый, хорошо выбритый, с мелкими подвижными глазами человек. – Резник Михаил Ефимович, начальник цеха готовой продукции. – Слышали-слышали. Как же! Генпрокуратура! А мы вас давно уже ждем. Давно пора не нашим тут копаться, а настоящим профессионалам.

Новый персонаж не стеснялся рассматривать Турецкого почти в упор, чувствуя себя вполне хозяином ситуации и даже выражая некоторую обиду, что, дескать, гость проигнорировал правила приличия и в обход парадных комнат забежал осмотреть задний двор.

– А ты, Кивелиди, снова деньги вымогаешь? – Резник достаточно резко рявкнул на проводника Александра. – На этот раз под каким соусом? Лечение голоданием? Гадание на кофейной гуще? Чудесное превращение стекла в бриллианты? Пошел вон! – Начальник цеха готовой продукции в обращении с подчиненным не постеснялся Турецкого, и можно было подумать, что он едва сдерживается, чтобы не выразиться еще определеннее. – Вот ведь человек, – Резник скорчил презрительную гримасу вслед уходящему «Ивану Ивановичу», – неплохой специалист, но спился. Так и живет на заводе, этакий заводской бомж. По-моему, теперь каждое уважающее себя предприятие имеет своих бездомных и прикармливает их из жалости. Смешно.

Резник, освободив Турецкого от навязчивого сервиса

местного астролога, сам будто повеселел и заметно стал деликатничать.

– Надеюсь, Кивелиди не слишком вас утомил? – преувеличенно галантно осведомился он. – О чем шла речь?

– На этот раз об астрологии. Интересный субъект этот ваш местный чудак, называющий себя «просто Иван Иванович».

– Да-да. Жертва сериалов и увлечения мистикой. Впрочем, бог с ним. Позвольте познакомить вас с представителем фирмы «Бундесвиссеншафтен» Дитером Петроффом.

Дитер, поразительно молодой и оттого, по-видимому, осмелившийся приехать на работу в сибирские снега, улыбался через круглые клоунские очочки:

– Привет!

Резник внезапно превратился в делового, занятого джентльмена:

– Идемте, господа, я провожу вас в кабинет Алексея Сергеевича. Директор с утра ждет вас, а день его расписан по минутам, сами понимаете – такая ситуация.

Он подхватил Турецкого и Петроффа и с необычайной энергией, мало ожидаемой от такого щуплого, неброского человека, двинулся к административному корпусу. Турецкий, подчиняясь какому-то смутному импульсу, неожиданно для себя, прежде чем скрыться за поворотом, обернулся и увидел, что «Иван Иванович» стоит в черном проеме ворот механического цеха и отчаянно жестикулирует. По движе-

нию губ Александр разобрал, что речь идет о телефоне. По-видимому, Кивелиди предупреждал, что свяжется с Турецким по телефону, а поскольку у него самого номера не было, то, вероятно, он давал понять, что позвонит «важняку». «Черт, надо бы, конечно, с ним встретиться, – запоминал Турецкий лицо и фамилию неожиданного заводского знакомца, который раскачивался на черном фоне, как марионетка на ниточке, и заговорщически, по-пьяненькому прикладывал указательный палец к губам. – Чего он там молол? На всякий случай встретиться».

Глава шестнадцатая
Нет человека

Это было уже невыносимо – в каждом доме слезы, в каждой семье трагедия. А сколько похорон готовилось по всему городу. Погибшие четыреста новогорцев увели за собой еще семь человек. Кто-то наложил на себя руки, кто-то скончался от сердечного приступа. Трое обморозились на пожаре, трое обгорели. Жизнь их тоже висела на волоске.

Сабашов устал.

Кроме очевидцев происшедшего он посетил четыре семьи погибших летчиков. Это было, пожалуй, самое трудное. Помимо того, что эти люди потеряли своих близких, своих кормильцев, на них глухо давила людская слепая ненависть. Если упал самолет – виноват летчик, это же ясно каждому.

И теперь Сабашов стоял у квартиры штурмана Савельева. И медлил. У жены погибшего штурмана, которая работала в школе преподавателем русского языка и литературы, учился его внук Юрка.

Напротив квартиры Савельевой жила сестра жены Сабашова, с ней Валентин Дмитриевич тоже не хотел лишний раз встречаться в силу родственных разногласий. Стоя у двери Савельевой, Сабашов чувствовал, что спину его буравят взглядом из глазка соседней квартиры.

Валентин Дмитриевич нажал на кнопку звонка, и в ответ раздался электрический птичий щебет. Дверь открыли сразу.

– Проходите, Валентин Дмитриевич, – кивнув на приветствие, Савельева пропустила Сабашова в прихожую.

В этой квартире Сабашов не раз выслушивал о «подвигах» своего внука. Будучи вдвое старше, Валентин Дмитриевич чувствовал себя перед учительницей провинившимся мальчиком. Елена Георгиевна не казалась строгой, но иногда смотрела слишком проницательно. «Ей бы у нас в органах работать», – не раз думал Сабашов.

– Хотел выразить вам свое соболезнование, – Сабашов замялся, не зная, как перейти к служебным вопросам.

Елена вывела его из затруднительного положения:

– Я знаю, что в этих случаях опрашивают свидетелей и родственников погибших. А я и свидетель, и родственник. Хотя не знаю, смогу ли я вам чем-то помочь.

Сабашов суетливо полез за рабочим блокнотом.

– В тот момент я стояла у окна, – начала Савельева. – Я видела все от взлета и… до конца. Поначалу все шло, как обычно. Вот только ощущения у меня были странные, – она усмехнулась. – Хотя предчувствия в вашем деле могут только запутать. – Елена Георгиевна на время задумалась. – Точно видела, что никакие части самолета не отлетали. Он упал целым. Один раз как будто тряхнуло. А потом он носом вниз. – На лице ее опять промелькнуло подобие нервной

улыбки. – И все!

Она замолчала, монотонно перебирая складки на юбке. Сабашов подождал, не будет ли продолжения и, не дождавшись, спросил:

– Вы стояли у окна?

– Да. Я знала, что вы спросите. Я всегда стою… стояла, когда он улетал…

– Все было?..

– Все было нормально, – перебила Савельева следователя. – Он не нервничал, был трезв и… Все было нормально.

Савельева говорила спокойно и четко, пытаясь отделять личные эмоции от фактов. Она старалась опережать вопросы Сабашова, которые могли задеть ее за живое. Следователь оформил протокол допроса.

Уже в прихожей, провожая Сабашова, она спросила у него про внука Юрку.

– Что-то опять не то? – насторожился Сабашов.

– Да нет, все нормально.

– А то я хотел его даже выругать в прошлый раз, – соврал Сабашов.

В последний раз Юрка стянул с другом Вовкой школьный журнал. Они бросили его в туалет на стройке. Хорошо еще догадались замотать в целлофановый пакет – чувствовали, что придется доставать его обратно.

– А Вовка погиб на стадионе, – вздохнул Сабашов.

– Да, шесть школьников из нашей школы погибли.

Сабашов вышел за дверь и, стараясь ступать бесшумно, направился на выход. Но за приоткрытой дверью напротив его караулила сестра жены:

– Опять по молодухам таскаешься! Я Тоське-то все передам.

– Да ты чего? Я на работе, свидетелей допрашиваю, – сказал Сабашов и разозлился на себя за свое малодушное оправдание.

– На работе. А в те разы? Когда по часу у нее торчал?

– Не по часу, а по полчаса, – огрызнулся привыкший к точности Сабашов. – Я тогда из-за Юрки приходил.

– К учителям ходят в школу.

– Какая школа! У меня работа во сколько заканчивается?

– Ага! А сейчас тоже по школьным делам пришел? Уж не свистел бы. У детей пятый день каникулы. Все школы закрыты.

– Объясняю тебе, я допрашиваю свидетелей, – оборонялся Сабашов.

– Ага, свидетелей. Чего ж ты меня не допросил? Чем я тебе не свидетель? Рожей, что ли, не вышла?

– Да что ты видеть могла? У тебя и окна в другую сторону выходят.

– А может, я на улице была? Чего ж ты не спросишь? Следователь!

– У тебя минус семь, – съязвил Сабашов. – И очки три недели как разбиты.

– По твоей милости три недели без очков. Сколько тебя прошу, в область ездишь – закажи новые.

Выйдя на улицу, раздраженный и уставший Сабашов попытался сосредоточиться на основных деталях сегодняшнего допроса, но это не удавалось. «Надо же, пять минут своим языком потрепала – и нет человека!» – зло подумал он о скандальной родственнице.

Было тяжко и пусто на душе – ничего-то он существенного не нашел. Отставит его Турецкий от дела. И то правильно – не те уж годы, чтоб за молодыми угнаться…

Глава семнадцатая
Дым

Директора застали в собственном кабинете, но он не сидел за положенным ему центральным столом, а подписывал какие-то бумаги стоя у окна, постоянно окруженный посетителями, входящими и выходящими практически бесконтрольно. Суета и толкотня скрыли приход новых гостей, тем более что Резник, передав Турецкого и Дитера секретарше, исчез, сославшись на занятость. Возможно, им пришлось еще бы долго ожидать, пока Алексей Сергеевич наконец отвлечется от дел, но директор, несмотря на свою вальяжность, не мог долго находиться на одном месте, к тому же он беспрерывно курил, а сигареты в пачке закончились, что и заставило директора пролететь пулей к столу, где он лихорадочно принялся шарить по ящикам.

– Надя, – злился Лебедев, нажимая кнопку селектора, – Надя, когда же вы не будете забывать класть пачку сигарет?

Надя вошла обиженная, взбрыкивая конским хвостом волос на голове:

– Вы курите безумно, Алексей Сергеевич, за три часа третью пачку. Так нельзя.

– Не до здоровья, Наденька. – Директор с ловкостью фокусника и нетерпением наркомана вскрыл очередную пачку

и с наслаждением затянулся. – Чем могу служить, господа? – Лебедев наконец заметил скромно сидящих за зеленым, еще советским сукном, Турецкого и Петроффа. – Надя, почему, наконец, все входят ко мне без доклада? – Директор скомкал сигарету и швырнул ее в пепельницу.

Надин хвост дернулся где-то у самых дверей огромного начальственного кабинета:

– Вы сами приказали, ради исключения, сегодня впускать всех желающих.

– И никого не выпускать, – пошутил Турецкий.

Когда они познакомились, Лебедев, ввиду важности пришедших, попросил Наденьку помочь освободить кабинет от других посетителей. Секретарша выказала такой пыл, словно выгоняла приятелей-сорванцов сына, которому мешали готовить уроки. Она хлопала в ладоши и не особенно спелой грудью успешно выжимала отступающих к двери кабинета:

– На выход, господа! Прошу всех подождать!

– Кофе? Чай? – Широким жестом директор пригласил гостей располагаться, докуривая уже шестую сигарету. – Сумасшедший день. Просто не знаю, как переживу. С утра забастовка рабочих, теперь комиссия, необходимо было подписать бумаги. Через час, – пепел упал на сукно, и директор, неловко размазывая серое пятно, пытался смахнуть его со стола, – встреча с комиссией по похоронам. Тоже людям нужно помочь. Уважаемый господин Петрофф, мне бы хотелось уже на днях уладить вопросы с получением страховки.

Положение на заводе тяжелое, деньги нужны сегодня, сейчас. Я очень благодарен, что ваша компания столь быстро среагировала на трагедию.

– Наша задача – точная и аккуратная помощь клиентам, – высморкался в белый платочек Дитер. Он неплохо говорил по-русски, едва заметно запинаясь о славянские шипящие. – Но только завтра из Москвы вылетит представительная комиссия специалистов. Мы проведем собственное расследование катастрофы.

– Комиссии, комиссии… От этого слова уже тошнит. – Директор, однако, не казался раздраженным. В нем не чувствовалось ни усталости, ни подавленности. – Когда же мы сможем вести разговор о выплате страховки?

– Пока я не могу вам назвать точных сроков. Все-таки речь идет о тридцати миллионах долларов. Мы должны доказать, что завод к аварии не имеет никакого отношения.

– Конечно. Но вы забываете, господин Петрофф, что погибший «Антей» принадлежит вашей компании и вы являетесь нашим перевозчиком. – Директор замучил еще одну сигарету. Кондиционер не справлялся с такой выработкой дыма одним человеком.

Дитер поморщился:

– Во всяком случае, мы обязаны разобраться. Надеюсь, вы не станете чинить препятствия нашим людям.

– Зачем же? Я заинтересован в быстроте расследования.

Дитер поднялся, давая понять, что он сказал все:

– Завтра в десять я имею возможность познакомить вас с планом наших намерений.

– Педантичность этих буржуев понятна, но невыносима, – пожаловался директор, проводив Дитера взглядом до самой двери. – Придется крутиться собственными силами, пока они не заполнят все бумаги. – Директор помчался к окну, чтобы поменять пепельницу. – Теперь с вами.

– Меня интересует, что вы, Алексей Сергеевич, думаете о причинах катастрофы.

– Я ничего не думаю. «Антеи», без преувеличения, – гордость нашей авиации. Можете себе представить, буквально в один миг отказали три мотора сразу. Что тут можно думать? Такого просто не бывает. Сумасшествие какое-то. В самолете столько степеней защиты, что просто в голове не укладывается, как возможна такая ситуация. – Лебедев закурил новую сигарету, оставив непогашенной прежнюю.

– Мне нужны документы таможенного досмотра, копии контрактов на поставку самолетов «Су» в Индию.

– Таможня проходила, как обычно, часов пять, потом отсеки закрыли, опечатали. Ничего подозрительного. Вы же знаете, они осматривают каждую щель, каждую деталь. С документами вы можете ознакомиться в установленном порядке. Они сейчас, кстати, находятся в комиссии.

Директор не выдержал и открыл окно. Морозный воздух клубами пара повалил в кабинет. Лебедев с облегчением глубоко вздохнул.

Когда Турецкий выходил из кабинета, то посетители, сидящие под картинками, изображающими курортные, фривольные пейзажи, встрепенулись. Секретарши Нади на своем посту не было. Только у окна стояла, опустив плечи и наклонив голову, длинноволосая девушка. Она резко обернулась на хлопок двери, и Турецкому показалось, что в ее глазах блеснула прозрачная горошина слезы. «Красивая… Но какой колкий пронизывающий взгляд, – Александр даже вздрогнул, – наверное, в Сибири, в отдаленных районах, еще водятся Снежные королевы».

Глава восемнадцатая
Отличник и двоечник

Внешний вид Болотова, его самочувствие и эти бессонные ночи, которые следователь проводил у холодильника с книжкой и тетрадками, последнее время очень заботили его жену Ангелину. Не выспавшийся Болотов возвращался с работы нервный, раздосадованный, рассеянно гладил детей и собаку, отвечал невпопад. Геля чувствовала, что у мужа какие-то нелады на службе, но остерегалась спрашивать. Все чаще она замечала на его открытом, добром лице выражение затаенной печали и прежде непривычной задумчивости.

Встречи с Чирковым выводили Павла из состояния душевного равновесия. Разноречивые чувства смешивались в простой и непривычной к сильным потрясениям душе Павла. То ему казалось, что Чирков смеется над ним, даже презирает его, и Болотов отвечал на это мелочной ненавистью. В иных случаях ему казалось, что Чирков пусть отрицательный, но все же герой из его юношеских мечтаний, и Павел едва ли не боготворил его, принимался слушать с вниманием и восхищением, как школьник, чтобы в самый неожиданный момент услышать от своего почти кумира развязную дерзость.

Как-то не задавались допросы. В течение всего диалога

Павел чувствовал себя приподнято, даже окрыленно, с оживлением шутил, язвил, увлекался рассказами Чирка. Но всякий раз к концу приходил в состояние горестного недоумения и даже изнеможения. Никак не удавалось выйти на собственно дело – Чирков охотно рассказывал, но главное всегда ускользало. В конечном итоге дело грозило обернуться пухлыми томами, из которых ничего нельзя было извлечь, кроме факта несомненной виновности подследственного. Чиркову светила «вышка» – но не для этого Болотов просиживал с ним за разговорами в Бутырской тюрьме. Понятно было, что только за убийство Крайнего – последнее убийство Чиркова – его уже приговорили бы к высшей мере наказания, будь у него даже самый умелый адвокат. Но главным-то было то, что Чирков был вовлечен в громадную сеть организованного преступного мира России, это был один из его краеугольных камней, узел в паутине, от которого шли нити во многие криминальные структуры общества. Но ни распутать, ни разрубить этот узел Болотову оказывалось не по силам. Чиркову удавалось кружить следствие, создавая образ бандита-одиночки, едва ли не маньяка с искривленным пониманием мира, а все его связи, его главные, магистральные дела оказывались в тени – наружу всплывало что-то несущественное, продиктованное личными мотивами, неудачами его жизни, несчастным воспитанием. В целом могла получиться сиротская повесть в духе Чарлза Диккенса, над которой пожилые дамы могли оросить платок со-

страдательной слезой.

Особенно выбил Болотова из колеи последний допрос, когда Чирков рассказал наконец о своем первом – жестоком и кровавом убийстве. Ему давно уже пора было приступить к вещам более существенным, чем разграбление ларьков и уничтожение животных, и вот он рассказал Болотову скорбную повесть своей юности, из которой дальнейшему следствию не могло ничего пригодиться.

Разговор не клеился. Болотов пытался крутить Чиркова и так и эдак, взялся что-то сбивчиво рассказывать про себя, от смущения выболтал, что всегда хотел учиться играть на скрипке, а родители вместо этого отдали его в школу самбо.

– Я вот как думаю, – неожиданно оживился Чирков, – если бы мне в восемнадцать лет под руку подвернулась скрипка или кларнет и я бы с ходу, без всяких гамм и нотных тетрадей стал музицировать, как лысые маэстро в телевизоре, то – вот голову даю на отсечение – по гроб жизни торчал бы в консерваториях и служил бы музыкальному исполнительству.

– Погодите, Чирков. Вы хотите сказать, что во всем виноваты вовсе не вы, а судьба? Судьба ваша, злодейка?

– Если хотите.

– Нет, не хочу. Обычная песенка вашего брата. – Болотов вдруг обиделся и перестал быть похожим на следователя. – Мне почему-то казалось, что мой подследственный – человек другого порядка. А тут оказывается, что у их автора са-

мая примитивная психология.

Чирков посмотрел на него с недоумением.

– Я, конечно, понимаю, – начал он, поглаживая недельную щетину, – что вы, гражданин младший советник юстиции, молодой еще, у вас… как это… воображение играет… – тут он не сдержался и улыбнулся во все свое преступное рыло, – но, по-моему, у тебя нет причин для разочарования. Ты ж сейчас на мою мельницу воду льешь, когда про ребусы говоришь.

Болотов вопросительно наморщил лоб.

– Когда я впервые совершил убийство, – продолжал Чирков, – а убил я тогда не одного, не двух, а сразу шестерых, я свое призвание точно ощутил. Это-то я без гамм с нотами сделал.

– Интересно. И сколько ж вам лет было?

– Восемнадцать. К тому времени я уже бегал от властей. Только не от ваших органов, а от военной прокуратуры.

– В ваших анкетных данных сказано, что вы служили, и причем во внутренних войсках, – сказал Болотов, заглядывая в папку.

– Правильно. Вот туда я пошел, чтобы уже спрятаться от ваших.

– Это после того массового убийства?

– Точно так.

Болотов откинулся на спинку стула и открыл ящик в столе, чтобы достать сигареты.

– Хотите курить – курите, – привычно предложил он Чиркову.

– Спасибо. У меня теперь свои, – он блеснул «родной» пачкой «Мальборо».

Давно уже не мальчишка, Болотов нервничал. Во-первых, его раздражало то, что Чирков иногда, словно забывшись, позволял себе обращение к нему на «ты». Во-вторых, он никак не мог почувствовать себя ведущим допрос: Чирков словно ничего не собирался скрывать от него, а, напротив, охотно давал против себя показания. Но ведь следователь Болотов вовсе не горел желанием поскорее закончить это дело и подвести Чиркова под «вышку». Он ведь хотел во всем разобраться. С другой стороны, он понимал, что если он внесет в протоколы все, чем щедро будет делиться с ним краснобай, то этому делу место будет в музее криминалистики. «Что делать, – туго думал Болотов, – сказать, дескать, мне до лампочки, когда и где ты пришил полдюжины народу? Мол, ближе к делу? Хорош я буду. Нет, он положительно тянет время. Но зачем? Просто двести первую оттягивает?»

– Ну-ка, расскажите поподробнее про первое убийство, – предложил Болотов.

– С удовольствием. История-то занимательная, – Чирков скорчил хитрую гримасу.

– Что ж, послушаем. Если вы готовы рассказывать с упоением, то и я не соскучусь, – следователь попытался улыбнуться, – но вы только не забывайте, что не рассказываете,

а даете показания.

– Понимаю, конечно. Но мне терять нечего. А вам это может когда-нибудь пригодиться.

– Как то есть «пригодиться»? Вы меня что, в литераторы прочите?

– Да ну, что вы. Может, вам прямо противоположным занятием придется заняться.

– Ах, в бандиты, значит.

– Вот-вот. Тогда вам конспектики эти пригодятся. Теорию читаю бесплатно, что твой профессор.

– Ох уж мне ваши шуточки, Чирков. Хреновый из вас Жванецкий. Ну что вы паясничаете все время? – Болотов опять раздражился. – Вы могли у меня на допросах кровью харкать, а я с вами цацкаюсь, как мать родная. А я ведь могу и иначе…

– Вот тогда ты от меня и слова не услышишь, сука легавая.

– Значит, мы поссорились, – резюмировал Болотов.

– Да нет, это я так, пошутил. А вы, коли не хотите, так и не записывайте, я двоек не ставлю.

Болотов не мог не конспектировать показаний обвиняемого, кроме того, он дублировал многие следственные документы. В его домашнем архиве заботливо хранились тома не только всех институтских лекций, но даже школьные тетрадки. Между прочим, и в школе, и в институте Болотов был отличником. И теперь сидел и слушал чуть не разинув рот двоечника не только школьного, но и по жизни…

Глава девятнадцатая
Человек-судьба

Весь предыдущий день Турецкий мотался по Новогорску, заходил в прокуратуру, к военным, в МЧС заглянул, снова допросил нескольких свидетелей и вдруг понял, что увязает.

Увязает окончательно и бесповоротно. Никакого просвета впереди. Что там! Ни одной более или менее достойной версии. Повторный допрос важных свидетелей ничего не добавил. Сюгин тоже не принес в клювике пока ничего, хотя эксперты работали в поте лица.

Погубить четыреста человек и три дорогущих самолета – «Антей» и два истребителя – мог или страшный случай, или какой-то уж вовсе запредельный злодей. Впрочем, следа злодейства не прощупывалось никакого. Комиссии уже более или менее определенно могли сказать, что никто самолет не сбивал, не взрывал, диверсия почти исключалась. Конечно, это были предварительные выводы. Но по своему опыту Турецкий знал – преступление выдает себя с первого, ну в крайнем случае со второго взгляда.

Следующим пунктом на пути странствий Турецкого по Новогорску был снова авиационный завод. К заводу следователя вели различные интересы. Отсутствие одного тела на месте катастрофы вызывало недоумение и настороженность.

Возможно, что в комиссии по похоронам располагали уже более свежими сведениями, чем в группе судмедэкспертов, занятой сугубо профессиональными вопросами. Во-вторых, в инженерном отделе Турецкий предполагал подкормиться новыми версиями гибели «Антея». Причина никогда не бывает одна. Конечно, мысль судмедэксперта Пискунова, будто самолет рухнул оттого, что у штурмана не выдержало сердце, была оправданна. Но даже если действительно штурман скончался у пульта, следствие должно быть проведено полно, всесторонне и объективно.

Перед проходной теперь было безлюдно. И только Ильич по-прежнему указывал на рабочее место.

В вестибюле завода, за проходной, был устроен своеобразный алтарь. Огромное количество фотографий разного качества печати, разного времени, были собраны на стене подле огромного, написанного тушью на двух ватманских листах некролога.

Кто такой Турецкий, на заводе знал уже каждый, но, может быть, именно поэтому у него спросили документы на проходной. Необходимо было лишний раз показать «важняку» из Москвы, что на заводе железная дисциплина. В инженерном отделе были готовы к встрече с Турецким. Заместитель начальника по фамилии Беленький ждал гостя, сохраняя наружное спокойствие. Турецкий, однако, с первого взгляда обратил внимание, что пальцы рук инженера переплелись, а ноги судорожно намотаны одна на другую. Турец-

кий внутренне усмехнулся – как все-таки наши жесты, движения выдают нас.

– Василий Геннадьевич, – начал Турецкий нейтрально, – я пришел к вам прежде, чем в экспертную комиссию, чтобы получить свежие сведения. Вы понимаете: эксперты народ дотошный, им сомнения не дозволяются, поэтому результаты заставляют себя ждать. Меня интересуют ваши выводы о причине катастрофы.

Беленький значительно кивал в такт словам Турецкого и смотрел в окно.

– Н-ну что же, – сказал он, подумав, – конечно, я могу с вами поделиться, но мои слова не будут иметь никакой цены. История темная, сами понимаете. Я могу случайно направить вас по ложному следу.

– Не волнуйтесь. Я смогу разобраться. К тому же вы не первый, к кому я обращаюсь, и, смею вас уверить, не последний. Меня интересует мнение специалиста.

Беленький хрустнул пальцами, разомкнул руки и посмотрел Турецкому в глаза.

– Понимаете, – заволновался он, – я с самого прихода на эту работу говорил про аэродром. Сейчас век высоких скоростей. А неспециалисту трудно понять, какие трудности пришли в авиацию вместе с высокими скоростями, большой массой самолета, реактивными двигателями. Современный аэродром – вещь сложная, огромная, дорогостоящая. Еще полвека назад для многих самолетов аэродромом могла слу-

жить ровная лужайка. Какому-нибудь «По-2», чтобы взлететь, нужно было пробежать по полю сто метров. Арост массы самолета резко снижает его взлетно-посадочные характеристики. Разница между максимальной скоростью полета и посадочной скоростью у «Антея» необыкновенно велика. Он вынужден совершать посадку при скорости двести пятьдесят – триста километров в час. То же самое для взлета – чтобы разогнать такую махину, нужно очень большое расстояние. Потом, движение тяжелой машины по земле требует очень ровного и прочного покрытия взлетно-посадочной полосы. При скорости триста километров в час даже малейшие неровности, бугры, выбоины могут оказаться роковыми. Взлетно-посадочные полосы для современных реактивных самолетов необходимо одевать в прочную бетонную рубашку. При нашем обороте взлетной техники у нас, в Новогорске, нужен стандартный аэродром, понимаете, стандартный. Эти стандарты всем известны – взлетная полоса три километра на шестьдесят метров, бетонное покрытие сорок. А наш аэродром – это же все до первого случая. Да только всегда с рук сходило.

– Как то есть «сходило с рук», – даже не строго, а опешенно спросил Турецкий. Такое откровенное признание в должностной халатности, в заведомом преступлении казалось странным даже для самого доверительного разговора.

Пальцы Беленького опять хрустнули.

– Да нет-нет, вы неправильно поняли, то есть правильно,

но не…

Беленький запутался.

– Тут ничего не поделаешь, – пояснил он наконец. – Для того чтобы быть совершенно уверенным в аэродроме, нужна другая материальная база. Аэродром проектировался еще в тридцатых годах, с той поры была, конечно, реконструкция, но недостаточная. Площадь современного аэродрома достигает пятнадцати – двадцати километров, и это должна быть абсолютно ровная площадка. Тут огромные затраты на земляные работы. Если аэродром не соответствует стандарту, самолет не в состоянии набрать нужную высоту. В этом случае располагать аэродром вблизи города – это сущее…

– Преступление, – довершил Турецкий.

– Что? – переспросил испуганно Беленький.

– Преступление, – повторил Турецкий.

– В некотором смысле да, – подавленно кивнул Беленький. – Но уж ничего не поделаешь, уж, видать, такая страна. Военные самолеты на авось взлетают. Да что вы хотите, – закипятился вдруг инженер, – я честный человек. Но не могу же я, как Хоттабыч, военный аэродром с места на место перенести?

– Василий Геннадьевич, – поспешил успокоить его Турецкий, – я вас не обвиняю, я пришел посоветоваться. Значит, вы думаете, что все дело в халатности?

– Да… – подтвердил Беленький. – Да, – сказал он твердо. – И не только в аэродроме. Тут, быть может, и еще одно есть…

Хотя сейчас и не установишь, конечно… Дело в топливе. Для устойчивого горения и полного сгорания топлива очень важно обеспечить равномерное распределение топлива по поперечному сечению камеры сгорания и выдержать заданное соотношение компонентов. Необходимо обеспечить наиболее полное испарение окислителя и горючего за кратчайшее время. Скорость испарения зависит от температуры окружающей среды и скорости капель. Процесс испарения в камере осложнен тем, что испаряется не однородная жидкость, а сложная смесь компонентов. Как ни странно для вас, в состав топливной смеси входит в небольшом проценте вода. Причем процентное соотношение допустимой нормы воды в зимнем и летнем топливе различно. Если подменить зимнее топливо летним – что на самом деле почти невозможно, за этим ведется жесткий контроль, – то есть вероятность попадания гомогенизированного льда. Эти невидимые крупинки воды могут и не произвести сбоя в работе двигателя, но…

– Вы считаете, что возможна такая случайность?

– Я не знаю, случайность ли это…

Зависла пауза. Беленький разнял ладони и подсунул их под себя. Ноги он зацепил за ножки стула.

– Вы курите? – спросил Турецкий.

– Нет, у меня язва, – доверчиво ответил инженер. Создавалось впечатление, что он давно хотел выговориться, но все не удавалось. Среди особых качеств Турецкого было обаяние, которое позволяло ему располагать к себе всех людей,

чьего расположения он хотел.

– Это еще не все? – спросил следователь.

– Нет… – Беленький, уже совсем готовый выложить свои сомнения, робко посмотрел в глаза Турецкому. – Моторы.

Тут Беленький, вовсе позабыв, что перед ним сидит неспециалист, стал рассказывать про сложное устройство жидкостных двигателей. Речь его запестрела незнакомыми терминами, были упомянуты «пиротехническое зажигание», «керамическая теплоизоляция камер сгорания оксидом циркония», «профилированное сопло», «карданная подвеска двигателя»… Турецкий выжидал, когда профессиональный экстаз увлеченного инженера пойдет на спад и он перейдет к сути.

– Были разработаны винтокрылые аппараты, у которых винты вертолетного типа установлены для вертикального полета, – упоенно говорил Беленький, – в горизонтальном полете они не поворачиваются, а преобразуются. Такую схему несущего винта разработали в Харькове, она называется «винт-крыло». Конструкция уникальная, именно ее поставили на «Антей». Но дело в том, что при испытаниях два таких моторных двигателя отказали. Конечно, потом были комиссии, симпозиумы, повторные испытания – все нормально, даже блестяще, я бы сказал. Но вот сейчас, после всего… Моторы к «Антею» на наш завод поставляются из Харькова. Я не знаю, может быть, я просто под впечатлением дурной славы… Может, все не так… Ах, да что я говорю… Пони-

маете, – некстати добавил он, – у меня на этом стадионе друг погиб. Я сам не свой. Тут уж хочешь не хочешь начнешь искать виноватых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.